



НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей
КРУЗ

БАНДИТ



На пороге Тьмы

Андрей Круз

Бандит

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Круз А.

Бандит / А. Круз — «Эксмо», 2016 — (На пороге Тьмы)

ISBN 978-5-699-92163-8

Случайность? Иногда хочется верить, что это именно так и ты, по большому счету, ни при чем. Что это не испытание на прочность. И не воздаяние за прошлые грехи. Владимира Бирюкова, «странника», способного перемещаться по разным реальностям, во время перехода «случайно» затягивает в мир, поразительно напоминающий лихие 90-е в уже совсем не Советской России. Причем прототип, которого Владимиру предстоит заменить, – бандит, член ОПГ, браток, со всеми вытекающими. И скоро Бирюков начинает понимать, что действительность, окружающая его и на первый взгляд вполне пригодная для жизни, гораздо страшнее мира монстров и близкой Тьмы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92163-8

© Круз А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

1	9
2	15
3	26
4	40
5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Круз

Бандит

© Круз А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Веселое началось с бетонного столба с проводами, упавшего поперек дороги и прихвativшего еще и сосну. За обеими обочинами, слева и справа, глубокие канавы с грязью и водой, в каких засадить даже бронетранспортер – раз плюнуть. То есть дальше или пешком, или пытаться сдернуть столб машиной. А вот в перепутанные тросы-провода я даже на гусеницах не поеду, в момент замотаюсь и застрянем, приходилось видеть такое.

Поэтому будем двигать.

Разворот на месте, чуть задом к столбу, трос у нас штатно за откидной аппарелью. Мне только зацепить, а потом рвануть.

– Алекс, на пулемет! Остальные наружу.

Выскочил сам под дождь, чуть не свалившись со скользкой брони.

– Джейн, прикрываешь! Настя, помогай! – это уже по-русски.

Черт, я ни разу этот трос не отцеплял, как он здесь намотан и напутан, как держится? Ага, ничего сложного, только вот этот палец выбить... а он выбьется?

Болтающийся на груди автомат мешает, но я его ни на секунду не оставляю, у меня на это духу не хватит, потому что страха вокруг... все сущее пропитано страхом, просто сочится им. От близкой ли Тьмы или от «призраков» над головами в мозгу пронзительный тонкий свист, вызывающий просто физическую боль, думать тяжело.

Трос прямо под столб и вокруг, затем закрепить. Что сложного, казалось бы? Но руки трясутся, я весь трясусь, всем телом, каждую секунду жду, что какая-то незамеченная тварь прыгнет на загривок и порвет в клочья. И из-за чертовых «призраков» мой внутренний «радар» отказывает начисто, все забито помехами и наводками, он меня уже никак предупредить ни о чем не может, и это пугает больше всего.

Загрохотал пулемет, ударило по ушам. Затрещал автомат Джейн. Не оглядываться. Пусть они отстреливаются, а ты дело делай, цепляй трос. Любыми путями, как хочешь, сдохни, но зацепи.

Есть, захватил жесткое маслянистое тело стального троса. Чуть подтянуть, пропустить в проушину, вставить палец. Стрельба все идет.

Есть! Теперь можно обернуться. Несколько темных туш на дороге дальше, от них уже черный «дымок» идет, так что все, этих вальнули наглухо, они уже безопасны.

– В машину!

За штурвал, двигатель работает. Снова шарахнул с крыши «полтинник», машина чуть вздрогнула от его отдачи. Вперед, самым малым.

Гусеницы чуть буксанули на скользком и грязном, но я даже услышал, как бетонный столб пополз, заскреб по асфальту. Есть, пошло... и тут же уперлось, снова проворот гусениц впустую, нет под них нормальной зацепки на этой дороге. Чуть назад – и опять вперед. Что-то мощно спружинило, но сдвинулось. Снова пулемет заработал активно. Черт, скоро ему перезаряжаться, а это не слишком быстрый процесс, не магазин в автомате сменить. А мне еще трос отцеплять.

Опять назад и опять вперед – еще сдвинулись. Если не сдвину, то тогда нам надо бежать, причем как можно быстрее, не оттягивая времени, пока все твари Тьмы не собрались вокруг нас в ожидании добычи. Но только есть у меня предчувствие, что не добежим, ни единого шанса они нам не оставят.

Рывок, еще рывок. Есть, пошло, я вижу. Где-то затрещало, затем все сдвинулось, бронетранспортер поволок свою ношу легко, оттащил ее к обочине. Теперь только трос отцепить, и дальше можно смываться.

– Прикрывайте!

Снова наружу. Какой дурак придумал вешать трос на аппарель, которая откидывается? Больше некуда? Приходится сигать через люк, скользя под дождем и норовя попасть под свой же пулемет.

«Призраки» стаяй наверху, их визг буквально взламывает мозг, даже глаза болят так, словно кто-то вдавливают их в череп пальцами. Джейн смотрит на «призраков», и теперь у нее в глазах чистейшая паника.

– Джейн! Проснись! Настя, оживи ее как хочешь!

Чертов трос натянулся, подклинил палец. Тоже дурацкая конструкция, тут бы обычный крюк был бы в тысячу раз лучше, особенно сейчас. Заматывать не буду, ну его на хрен, пусть сзади волочит, авось не зацепится. Тогда даже лучше без крюка, зря это я.

Просто выдернуть его из-под столба – и все, и можно ехать, можно убегать. Давай же, давай!

Очередь и крик Алекса:

– Пустой! Перезарядка!

Звук стрельбы из «калаша», это уже Настя. Черная тень из леса, прямо передо мной, огромная такая тень, показалось, что со слона размером, не меньше. Почему-то, проскочив мимо меня и обдав лютым холодом и ужасом, тварь замахнула на корпус бронетранспортера, накрыла собой Алекса и выдернула его наружу через люк. Сбросив тело... да, уже именно тело, он погиб сразу, на асфальт, она прыгнула сверху и рванула его голову всей огромной пастью. Я услышал хруст, брызнула кровь. И в этот момент я разрядил в тварь весь магазин из своего «АК».

Тварь взвыла пилорамой, оглушив и почти разметав в клочья все еще сохранившиеся у меня чувства, но потом просто свалилась на бок, истекая черным дымом.

– В машину!

Джейн в прострации, ее пришлось буквально загонять внутрь. Под люком стрелка кровь, огромная лужа. Плохо. Теперь мы просто как маяк, как приглашение к обеду.

– Джейн, люк закрой!

– Алекс остался! – закричала она каким-то странным, прыгающим голосом.

– Алекс убит! Люк! Закрой гребаный люк!

С треском перевалились через крону лежащего дерева, качнулись, как на волне, затем машина пошла на разгон. Еще одна темная тварь выскочила на дорогу перед нами, но это зря, потому что бронетранспортер боднул ее всеми тринадцатью тоннами металла, подмяв под гусеницы, расплющив и раздавив. Уже совсем немного, совсем. Черт, я автомат не перезарядил даже...

На ходу левой рукой вытащил полный магазин из разгрузки, сбросил пустой под ноги, заменил. Подбирать пустой некогда, пусть валяется.

Две гончих, несущихся вдоль обочины в одном с нами направлении. Довернули к нам, но сразу отстали – мы быстрые, и на броню они прыгать не будут.

Где поворот, где? Мы где-то совсем рядом, но сосредоточиться уже никак, я так могу просто мимо проскочить. Соберись, соберись, это последний шанс, не прощелкай его. Там трубы свернут вправо под девяносто, а нам следом за ними, куда трубы, туда и мы, они нам за путеводную нить.

Вон! Вон конец трубы! Тормоз, бронетранспортер не гоночная машина, на скорости его в такой поворот не заправишь.

– Почти на месте! Всем полная готовность! Рюкзаки к проходу, быстро!

Бронетранспортер сорвался все же в занос, гусеницы заскребли, но сразу уцепились за земной шар, погнали машину дальше по дороге. Вон этот домик, насосная или что это такое. К нему, скорей, пока хоть как-то оторвались от монстров, пока их толпа, несущаяся где-то сзади, не догнала, не навалилась, не разорвала нас в клочья.

Тормоз, скольжение юзом. Упавшая аппарель, почти к самой двери выход, правильно подогнал. Рюкзак сразу на спину, приклад автомата откинуть.

Ты же глянь, крошечное облачко Тьмы висит над тем самым местом, где умер от моих пуль Хендерсон. Как венчик, как надгробие от этой самой Тьмы. Настолько полон он был и Тьмой, и дерьмом, прости, господи.

– За мной!

Есть тут «дверь», есть по-прежнему, никуда не делась, не «дверь» даже, а целые «ворота». Я ее даже через помехи взбесившейся Тьмы и визг «призраков» в вышине ощущаю так, словно в полной темноте прожектор зажгли. Уйдем. Мы в нее точно уйдем.

Джейн совсем плохая, глаза совершенно безумные. Настя ее просто волочит за собой, та ноги переставляет механически, как шагающая кукла. Ничего, сейчас ее протащим и очухается, оклемается, мы уже все, мы уже у цели, у выхода из этого чертова полумертвого мира. Вон спуск в подвал, нам именно туда, мой «радар» на таком расстоянии ошибаться не может, сигнал слишком сильный, уже он забивает Тьму. Там вихрь, там воронка, там проход сквозь Тьму, разъединяющую и связывающую миры.

Алекс, черт, друг, как же жалко, почти ведь дошел.

Джейн вдруг сбросила шлем, помотала головой. Затем, ухватив всей ладонью, рванула с лица очки, отшвырнула в сторону.

– Дура! – заорал я. – Ты что делаешь?

Предчувствие неминуемого плохого. Дверь из подвала распахнулась словно сама по себе, выбросив двух тварей, силуэтом похожих на коренастых собак. Только силуэты, потому что видеть детали в сгустках Тьмы невозможно. Мы с Настей в два ствола ударили по ним длинными, изрешетив в момент, но когда я обернулся, то столкнулся взглядом с Джейн. И глаза у нее были черными. Совершенно черными, как сама Тьма, – ни зрачков, ни белков, ни радужки. Только Тьма.

А еще ствол ее автомата смотрел мне в грудь. А затем на этом стволе расцвела мимолетная вспышка, а в грудь мне словно ударили молотом, вмяв в ребра пластину вместе с подложкой.

И тут же над правым глазом Джейн появилась черная, как мне показалось в этом бесцветном мире, точка. Голова ее чуть дернулась, выбросив красноватое, все же красноватое облако. Даже в этой сепии кровь все равно оставалась алой. И Солдат Джейн, милая и хорошенькая девушка, упала на бетонный пол не известной никому насосной станции на самой границе Тьмы. И это было куда больней удара пули в броню. Намного больней, до самых жгучих слез, до зубовного скрежета.

Я не ловил дыхание и не корчился на полу, кино и в этом врет. Эти новые жилеты прекрасно гасят удар автоматной пули, распределяя его по пластине и амортизирующему слою. Да и пули у нас с мягкими наконечниками, специально на тварей. Так что я просто сбежал в подвал, таща Настю за руку за собой, чувствуя зов прохода, и рывком захлопнул за нами дверь, отсекая нас от мира. Мы уже не там.

И этот мир вдруг начал медленно вращаться вокруг нас, а мы оказались в самой середине всего мироздания.

– Я тебя люблю, – сказал я, притягивая Настю к себе. – И буду любить вечно.

– Я тебя тоже.

Я нашел в темноте ее губы, теплые и нежные.

Затем мы понеслись куда-то по бесконечному туннелю сквозь все.

А затем меня вдруг словно дернули в сторону.

1

Темнота, запах пыли, мокрого цемента, какого-то гнилья. И при этом волна неожиданного тепла, которым сменяется вечный холод перехода. Затем удар по голове, сильный, как будто ею врезался в косяк, аж зубы лязгнули, а в глазах искры. Отмахнулся, но так и не наткнулся ни на что. Рука выдернула ребристое тело фонарика из поуча, большой палец утопил резиновую кнопку. Яркий луч света разрубил темноту словно мечом.

Подвал. Вон ступеньки, выход. Подвал большой, из бетонных блоков, какой бывает под многоподъездным домом. Трубы в ржавой сетке. Надпись красным на стене, краской, не кровью. Краткое матерное слово на русском. Дома?

Левую руку к голове – кровь на ладони. Во что я врезался, мать его, а? Нет же ничего вокруг, а вон как рассадил. Да и как я мог врезаться, если течет из-под шлема? Шлем же на голове, в нем хоть гвозди головой забивай.

Насти нет. И я ее не чувствую. Чувствую «дверь» прямо здесь, где я сейчас, но она до меня не проходила. Не было ее. И «дверь»... «дверь» пока того, в одну сторону, кажется. И я здесь один. Назад? А нет «назада». «Радар» это услужливо подсказывает, про систему «нипель», про туда дуй, а оттуда сами знаете что. И еще этот «радар», или что-то другое подсказывает: мне очень, просто позарез нужно вверх. Не бежать из подвала срочно, тут безопасно, а именно *надо*. Очень сильно надо, сильней просто некуда.

Взбежал по ступенькам, толкнул легко отворившуюся скрипучую и разохшуюся дверь, оказался на следующем пролете лестницы, в каком-то невероятно обшарпанном подъезде. Стены сплошняком размалеваны, на потолке подпалины, справа, в углу площадки, куча дерьма со смятым листом бумаги сверху.

Дальше, к выходу.

На выщербленном асфальте передо мной, прямо перед выходом из подъезда – труп. Странная, неестественная поза, нелепо вывернутая голова, кровавые дырки от пуль в спине, точнее – в джинсовой куртке.

Еще один труп дальше, лежит на боку, спиной ко мне. Я лица не вижу, но точно знаю, что это *я*. Тот *я*, на место которого я, который я настоящий, нынешний, угодил. Мне не надо видеть, я *знаю*. Меня убили. Только что, пока мы с Настей неслись по тоннелю между мирами. Он умер, а меня затащило на его место. Мое место. Я это даже почувствовал, почувствовал, как меня оторвало от Нasti и швырнуло неизвестно куда. Даже удар по голове – это след той пули, что убила *меня*.

Кто *меня* убил? Вон трое мужчин «кавказской наружности». У одного что-то вроде «узи» в опущенной руке, у второго пистолет. Третий стоит у машины поодаль, курит и говорит по мобильнику. Меня, стоящего в глубине грязного и темного подъезда, пока никто не заметил. Да и не ожидали. Отсюда никого не ожидали, как мне кажется.

Я включил почему-то выключившийся ред-дот, вскинул автомат. Первого, который с телефоном, он дальше. Они без броников, это видно, так что всех успею, тем более «пустоголовыми». Три цели, удобно расположены.

Бах! Активные наушники задавили звук выстрела, который в подъезде должен быть оглушительным. «Телефонист» с простреленной головой завалился вперед.

Бах-бах! Бах-бах!

Тот, что с «узи», схватился за грудь, ноги подломились. Тот, что с пистолетом, молодой совсем, как я успел заметить, дернулся, увидел меня, даже попытался прицелиться.

Бах-бах!

Еще двойка в грудь. Все, упал. Кто-то еще?

Осторожно высунулся из подъезда, не опуская автомата. Вроде никого. Две машины на улице. Что-то вроде «корейца» справа, белый хетчбэк с явными следами «сельского тюнинга», опущенный днищем чуть не до земли, а слева, чуть дальше, серого цвета небольшой кроссовер. Пять трупов на земле. Тишина.

Вышел, не опуская автомата, огляделся.

Мама дарагая, где же это я?

Девятиэтажки-панельки старые, грязные, облезлые, с выбитыми стеклами, измалеванные до второго этажа. Дальше ржавый остов разобранной машины, еще дальше – еще один. Тут что, война была? Но эти две машины новенькие с виду. Ну, почти.

Стволom по сторонам, подбежал к *себе*, присел.

Красная олимпийка, иначе и не назовешь, джинсы, кроссовки. Рядом на земле кепарик какой-то. Я что, такое носил? Не верю, это же жуть какая-то.

Из рукава рука с какими-то хитрыми часами, вместо циферблата просто черная пластинка, как экран на мобильнике. Возле руки пистолет. Похож на «Сиг-Зауэр 229», но что-то чуть не то с ним.

Пуля в затылок. Лицо – мое. Мой возраст, мое все. Как в зеркало смотрюсь, только у отражения нет левого глаза, там выходное, пуля там вышла. Ну и померло отражение. Совсем.

– И кто это тебя так по-подлому, кореш? – спросил я и коснулся рукой виска убитого.

И тут меня как током продернуло, как двести двадцать сквозняком. Так тряхануло, что в глазах темнота, а как она разошлась, так я себя сидящим на заднице обнаружил. И одновременно с этим пришло некое *знание*. Его знание. *Мое*. Словно невидимые пальцы пробежались по картотеке и возникли мысли:

«Надо сваливать».

Еще:

«Серая машина – моя».

И еще:

«Снимай на хрен сбрую, не надо в ней маячить».

Нет, сваливать надо не бегом, бросая все, но и засиживаться тут нельзя. Тут что-то пошло не так, как должно было пойти, *меня* убили. И тот, в джинсовой куртке, был со мной. Он же *меня*, кажется, и убил. Штопор у него погремуха. Серега Штопор. А я... нет, он... или уже я? Я – Вован. Уже не Влад, а Вован. И Боб еще. По-разному гонят.

Быстро по своим карманам... есть, ключи от машины, от серого кроссовера. На ключах логотип «Лада», но какой-то незнакомый. Та же картотека вдруг услужливо подсказывает, что кроссовер называется «Лада Тайга». Не знаю такую. Точнее... он знает... знал... а я нет. Вот эти два момента в голове как-то путаются.

Сипатый детский голос:

– Мужик! Слышь, мужик!

Расслабился. Даже не заметил, как два пацана подошли, лет по двенадцать, наверное, каждому. С виду сущие беспризорники или просто шпана малолетняя, рожи уже бандитские. А меня в лыбу до ушей тянет – дети же! Здесь есть дети, настоящие. Самые настоящие, живые дети, я их своими глазами вижу.

– Мужики в поле пашут, – не принял я по какой-то подсказке формы обращения. – Чего тебе, воин?

– Чё воин-то? – оскорбился тот. – Ты жмуров шмонать будешь? А то ща уже мусора приедут, попедают тя.

– Отзынь, красноречивый, ща не подъедут.

Знание: просто так они сюда не ездят, только большими силами. Хорошо, если через час заявятся. А пацаны просто хотят, чтобы я свалил, надеются с трупов чего-нибудь ценного взять.

– Гляну. Что оставлю – твое.

У кавказцев должно быть что-то важное, у «телефониста». Он *мне* показал за пару секунд до того, как я помер. Вон, сумка на нем через плечо, маленькая. Ридикюль такой. Пошел, присел, глянул в лицо убитому, уставившемуся в небо остекленелыми глазами. Лет сорок ему, борода светлая, аккуратная. Одет модно, наверное, – пиджак черный кожаный, серые брюки, туфли с острыми носами, водолазка черная же.

Пуля над левым глазом вошла, сразу умер. Мобильник на земле валяется.

Сдернул сумку с трупа, заглянул – деньги. Несколько пачек, перетянутых резинками. Да, это, наверное, пригодится.

Что-то еще? Нет, все, шмонать холодных не по понятиям, тут не война. И вообще это улики.

По понятиям?

Ну да, картотека подсказывает. И весь ты по ним тут и жил.

Тормознул только у того трупа, что с автоматом, присел. Убитому под тридцатник было, волосы длинные, ни бороды, ни усов. Тоже в кожаном пиджаке, только водолазка белой была, сейчас кровью пропитана почти целиком. Но мне автомат интересней...

Ну да, «узи» самый натуральный, я таких много видел. На стволе резьба под глушак, но глушака нет. И черный он почему-то, крашеный, а все «узи», что я видел, были серыми, фосфатированными.

Ладно, к машине. И снять уже надо сбрую с себя.

В багажнике кроссовера сумки. Но сперва рядом разгрузку, на нее шлем, очки пусть останутся пока. Флисовый свитер весь в крови слева, так что его бы тоже долой. Из разгрузки ИПП, подушечку к ране прижать и обмотать, как получится, кровь надо останавливать, мне же еще ехать.

Под любопытными взглядами малолеток перебинтовался быстро. Так, что в багажнике? Сумки. Тяжелые. Сложил спинку заднего сиденья, затем вытащил из бардачка моток мусорных пакетов, почему-то точно зная, что они там есть. Оторвал один пакет, надел его *себе*, убитому, на голову. Затем, подумав, подобрал с земли кепарик и надел уже на себя. Может, бинт так чуть прикроется. Потом подобрал пистолет, сунул в карман брюк.

Так, теперь труп надо затолкать не в такую уж и большую машину. Это задача.

– Слышь, мужик! – крикнул все тот же светловолосый беспризорник. – Помочь?

Беспризорники, но оба с планшетами. Говорят и попутно играют во что-то быстрое, явно друг с другом.

– А помоги давай, – согласился я.

– А чё дашь?

– Жмуров обшмонать забыл, что ли?

– Не, ты полтос давай, – замотал он головой.

Совсем белобрысый. Морда круглая и вообще-то довольно чистая. Может, и не беспризорник вовсе.

– По чирибасу на рыло или поджопник, – предложил я альтернативу, как-то легко, на подсказках, входя в новую роль.

– Ладно. – Пацаны синхронно кивнули.

Трупы им по фигу вообще. Навидались? С чего вдруг? Ладно, позже об этом.

– А дрон не прилетит? – вдруг тихо спросил второй, темноволосый и чем-то похожий на таджичонка, после того как дверь машины захлопнулась, подперев ноги *моего* трупа.

– Не, ты чё, – отмахнулся белобрысый. – Крюкины пацаны уже три посадили, ссутся мусорские. Их там начальство за дроны раком шпарит, Крюка сам говорил.

Я сел за руль, сказал, пользуясь новыми странными знаниями, которые приходили в голову словно из ниоткуда порциями:

– Вы по-быстрому давайте шмонайте, пацаны, а то с Муслимки подъехать могут. Взяли чё надо и отскочили, поняли? И бабки держите. – Я выдал им по червонцу через окно.

– Чё, тупые, што ли? – возмутился белобрысый. – Жену учи болта сосать, мля.

– Ща добазаришься, метлу подрежу, – пригрозил я, но тему развивать не стал. Просто завел машину, воткнул первую и поехал, чуть не заглохнув на старте. Привык к большим американским, а тут мощи совсем немного как-то.

Как бы то ни было, но кроссовер тронулся с места и покатил на выезд из района, который, как я тоже уже знал, назывался в городе Гадюжником. И это название, глядя вокруг, я принял легко и без всяких сомнений, Гадюжник и есть. Причем хоть от слова «гадить», хоть от слова «гадюка», ибо и такого вокруг хватало.

Пейзаж не менялся. Заброшенные дома, но все же обитаемые. И обитаемые не так, чтобы мало. Где-то к вроде бы убитым домам подходят явно нелегальные кабели, где-то просто людей видишь, в окнах и во дворах, а где-то даже белье по балконам висит.

Я знаю, куда мне надо. Мне до конца этой разбомбленной жизнью улицы, там направо и до леса. Почти до леса. «Тайга» чуть ускорила, задрезжала пластиковым салоном на кочках. Простенько все внутри. Вроде бы и думал какой-то дизайнер, но не слишком долго, не напрягался, думая. Так, округленько все. Механика, на дверях крутящиеся ручки стеклоподъемников, причем по форме такие, какие когда-то на моей «девятке» были, то есть никакой продвинутости. Тесновато, но терпимо, больше с отвычки. Труп вон сзади все же уместился, пусть и сложить пришлось вдвое.

Опять вдруг пришло знание: машина на газу. Все они здесь на газу, кроме чиновничьих и ментовских.

Вон вдали вижу конец улицы, а навстречу едет микроавтобус потрепанный, за рулем молодой парень, рядом с ним, на пассажирском сиденье, девка. Автобус чем-то на старый фордовский похож, но так же картотека услужливо подсказывает, что это новая «уазовская» «буханка». Относительно новая, как я понимаю, потому что именно эта выглядит очень старой.

Дальше район стал еще более обитаемым. Панельки-свечки сменились длинными панельками же, но пятиэтажками. У подъездов появились кучки парней, стояли машины тут и там. Другие группы, с виду сущие торчки, собирались тут же, держась при этом подальше от тех, что у подъездов. Эти грязные и как из помойки, а те в модных, как я понимаю, трениках и куртках.

Тут и нового знания не надо – торгуют здесь. Модные – барыги, только организовались уже не как у нас обычно это дело организовывалось (а организовывалось оно так, потому что у нас ни фавел, ни гетто, ни трущоб не было). А этот Гадюжник теперь – трущоба из трущоб, поэтому все вот так.

Торчки – у них денег нет, крутятся тут, чтобы или развести кого-то на дозу, или кинуть, или на иную удачу надеются. В долг выпросить, например. А реальный покупатель сюда просто приходит и уходит или уезжает. Мою «Тайгу» провожают взглядами, полиции тут не видно. И не должно быть видно, как я уже знаю. Да, вот и подсказка: полиции просто так здесь вообще не бывает. Только с рейдами, только большими силами, но у этих на всех въездах на район дозорные из местной мелкоты, неожиданно сюда не вломишься.

Тут и уже загашенных хватает, хотя, как понимаю, на улицах не употребляют, для этого тут пустых квартир и целых домов пруд пруди, заходи и... кури, снова подсказало знание. Двигают тут больше амфетамины, тут на них все сидят. Кто не совсем конченный, тот нюхает, раздробив кристалл, кто уже спекся – тот курит. По вене уже последняя стадия, таких меньше. Вон мужик с седой бородой сидит на заднем бампере старенького универсала с поднятой задней дверью – он трубки продает стеклянные, через них курят. Сунут кристалл, жгут его турбозажигалкой и дым тянут, отъезжают.

Тут все есть: и скупка краденого у торчков, и девки-наркоманки с минетами за двадцатку, а то и десятку, сутенеры и барыги такими квартиры набивают, и все есть, что хочешь, все, что

бывает в самых жутких трущобах по всему миру. Просто у нас этих трущоб и в самые дурные времена не было. Так что тогда тут случилось?

Знание помогать отказалось, как будто для него вопрос слишком общий.

А вот конкретное – улица Восьмого Марта, она отделяет Гадюжник от грязноватой, но все же обитаемой промзоны. И на улице уже движение наблюдается. Какие-то машины узнаю, какие-то еще нет. Вон «Газель» с кузовом-ящиком, вон явно «КамАЗ», но какой-то другой, гружен трубами. На перекрестке мне направо, но ехать не до конца, недалеко совсем. Если прямо, то дальше налечу на пост полиции. Милиции, опять всплыла в мозгу подсказка. Милиция здесь, не полиция.

Асфальт раздолбан, местами заплатки, местами просто ямы. Напоминает начало девяностых скорей, но это не девяностые, это намного позже.

Зазвонил телефон в кармане у трупа. Ладно, пусть звонит, пока не до него. Пока мне с этим *своим* трупом надо в глухом месте один на один оказаться. Телефон звонил долго, упорно, трижды подряд, потом все же умолк. Потом зазвонил еще один, я по звуку нашел его в подлोकотнике, там тоже маленький бардачок с плохо запирающейся крышкой.

Выудил аппарат, посмотрел. Смартфон как смартфон, только логотип производителя незнакомый. На экране пульсирующий силуэт зеленой телефонной трубки, подпись «Большой». Кто такой Большой?

В голове словно целый пласт знаний оторвался от дна болота и всплыл на поверхность. Ага, вот он кто. Потом наберу, когда с главным покончу. Есть что сказать.

А вон и съезд на грунтовку, прямо через почти исчезнувший тротуар и вырубленные кусты. «Тайга» свернула на проселок, поехала под уклон, покачиваясь на кочках. Тут редко ездят и еще реже ходят. Место нехорошее, можно запросто забрести и не выбрести, сюда совсем одичалые люди из Гадюжника ходят по своим совсем нехорошим делам. Могут просто за ботинки убить или даже наудачу. Мало ли, вдруг в карманах что-то такое есть, что можно махнуть на дозу или бухло. Дадут по черепу трубой или нож сунут, а потом глянут, было что при тебе или так завалили, впустую.

Слева речка под романтичным названием Помойка, настоящего имени и не знает никто. Дальше она уйдет в широкую старую трубу, которая когда-то была закрыта решеткой, но потом ту выломали, как проржавела. Дорога пройдет по трубе сверху, а справа как раз и будет огромная нелегальная свалка – самое страшное место в городе.

Мне никто этого не диктует, не объясняет, не показывает картинки. Просто я этого не знал раньше и вдруг стал знать. Это знание даже ощущается как свое, хоть и немного сбивает с толку иногда, потому что приходит неожиданно.

Грунтовка грязная, недавно дождь прошел, так что сама по себе возникает мысль о том, что надо заехать к Халилу на мойку. Не моя мысль, а его – я в зеркало глянул на труп сзади, – а теперь моя.

Вон труба. Дорога чуть вверх, за ней огромная свалка. На мусоре две фигуры бомжей в последней степени одичания, оба на меня уставились. Я их просто проигнорировал, проехал мимо, они же проводили меня взглядами мутных, налитых кровью глаз, чисто зомби какие-то.

Обычно маршрут с телами на самой свалке и заканчивается, возникает новое понимание реалий окружающего мира. Можно дать бомжам денег, и тело исчезнет с гарантией. Что именно они с ним сделают, никто не знает, и даже задумываться на эту тему не хочется. Цена исчезновения с гарантией – ящик дерьмовой водки. Или деньги на него. Или бормоты, она снова вернулась в этот мир.

Но мне дальше. Дальше лесок, в него тоже заехать можно, а в этом леске никого не бывает, хотя бы из-за близости к свалке и одичалым бомжам. Даже милиции с рейдами тут никогда не бывает, не нужно им здесь ничего. Черная дыра, провал в пространстве.

Дорога превратилась в колею в траве, повела между кустов в желтый густой осинник. Земля под колесами мокрая. В верхушках осин гуляет холодный ветер, срывая листья и бросая их на ветровое стекло. И тут осень, и тут она мерзкая.

Все, достаточно. В багажнике должна быть лопатка, это я точно знаю, как и про те пакеты.

2

Земля была мягкой, добротную могилу я выкопал быстро. Расстелил несколько больших пакетов, разрезав их на полотнища, положил на них *свой* труп. Как-то не получается сочувствовать. Вроде и *свой* труп, но я ведь на самом деле жив, так что мозг отказывается воспринимать реальность этой смерти, скорей, оценивает ее как дурацкую шутку. И этого *себя* я никогда не знал, а трупов видел уже много. Не трогает.

Карманы, карманы в первую очередь. Мобильный, явно дешевый, чуть ли не одноразовый. Три входящих звонка с неизвестного номера. Взять или выбросить?

Выбросить, разобрав на запчасти, он одноразовый. Надо было это раньше сделать вообще-то.

Документы. Права, категории на легковушку и грузовик. Фото вроде мое, но лицо все равно незнакомое. Ни такой прически у меня никогда не было, ни одежды, ни даже взгляда. Чужое лицо. Паспорта не нашел, зато нашел «удостоверение личности» с чипом, как на кредитке. Опять мое фото, мое имя и все остальное. На обратной стороне адрес: Новаторов, дом 3, кв. 11.

Снова вдруг знаю, что я там не живу, квартира сдана, да еще и через кого-то. Так мне нужно. А живу я на Новом микрорайоне, квартал «Б», корпус 10, квартира 27, вот так. И при этом *знание* подсказывает «на» вместо «в». *На* микрорайоне. *На* тюрьме. Даже так?

«Единая банковская карта» тоже с фото и чипом. Выдана давно, а выглядит как новая. Картами не пользуюсь? Судя по изрядной пачке разнокалиберной налички – нет. Карта это засветка, контроль, и по жизни, и по налогам, – я туда только какое-то пособие по какой-то инвалидности получаю и почти не трачу. Это я опять вдруг знаю.

Бумажник. То есть лопатник. Гаманок. Все деньги и документы обратно в него. Котлы, то есть часы, с его руки на мою, а свои пока в сторону, что-то подсказывает, что таких тут нет, не надо маячить. На шее крестик на тонкой золотой цепочке, его на себя. И там же, на шее, толстая золотая цепь, как в лучшие времена. И на пальце «гайка» странной формы, похоже, что ее как кастет можно использовать. Все на себя, это приметы, надо соответствовать прототипу.

Теперь особо неприятная часть – раздеть труп и надеть это все на себя. В своем дальше точно нельзя, оно в крови, и оно явно другое, даже шпанята малолетние смотрели на меня очень странно. Не надо этого. Впрочем, одежда вполне чистая. Кровь сначала стекала на асфальт, а потом в мешок. И так все чистое, а местный я гигиену соблюдал, все явно стираное и свежее. Через пару минут я был уже как он. Кепарик не забыл, снова натянул поверх бинтов. Дурацкий он такой, клинышком, на глаза натягивать надо. Но я такие у барыг на Гадюжнике видел, так что тут это модно, похоже.

Пистолет. Пистолет по виду именно «сиг» и именно «229». Но только без всякой маркировки вообще. Даже без серийного номера. На стволе в вырезе затвора вижу штампик «9 Рага». Именно так, а не «9 mm», как обычно бывает. Еще у «сигов» покрытие дорогое, а этот просто черным «серакотом» крашен. И пластик на рукоятке дешевый, черный, скользкий, даже чуть гуляет.

Китай. Маньчжурия. Контрабанда. Опять знания.

Выбросил магазин на ладонь, глянул на патроны – явно не высший класс, стальная гильза вроде советской, на донце только калибр вытиснен, никакой другой маркировки. Пуля простая оболочечная. На «порноул» похоже, короче.

Опять звонок на телефон, опять «Большой». Потом.

Все, с трупом все. Раздет до трусов и носков, лежит у ямы. Татуировок нет, к счастью, но есть пара шрамов, каких нет у меня. И нет на нем тех, что есть на мне. Надо учитывать, но это все под одеждой, так явных различий не вижу.

Завернув кое-как труп в пакеты, столкнул его в яму и забросал землей. Притоптал, набросал листы. Все, как и не было Вована Бирюкова. Был, да сплыл.

Вдевая ремень в джинсы, заметил в нем хитрость – справа он двухслойный, а между слоями что-то вроде петли вшито. Для чего – сразу понятно. Сунул туда китайский «сиг», и он встал как влитой, с легким наклоном вперед, чтобы рукоятка под одеждой не выпирала. Вроде и не кобура, и она самая по факту. А ничего так, остроумно. Зато узнал с оттенком почтения, что метод сам покойный и изобрел.

Теперь багажник.

Багажник удивил. Три сумки, в одной шесть таких «узи», как у того кавказца. Тоже никакой маркировки, зато есть два глушителя. С ними четыре «узи» поменьше, которые «мини». К каждому автомату по два длинных магазина и по одному короткому. Упаковано все в толстые полиэтиленовые пакеты, никаких изысков.

Во второй сумке нашлось десять пистолетов. Пять таких, как у меня, и еще пять массивней. Опять же с виду тот же «сиг», только модель другая, «220». Ну да, и калибр сорок пятый, на казеннике ствола штампик. И опять никакой маркировки вообще. Китай, контрабанда, я уже в курсе. Два глушака под сорок пятый калибр, и два же «двести двадцатых» с резьбой на стволе, под них как раз.

Сумка с патронами, в цинках. Оба калибра, больше все же «девятки». В сумке с пистолетами еще сверток. Развернул, а там таблетки. Много, килограмма три, красные и синие вперемешку. Подсказка: дурь клубная. Расфасованы в пакеты грамм по сто, наверное.

Так, я еще и наркодилер.

Нет. Стволы – мой... наш товар, наркота попутное, «отжатое». Предположение: наркота и стала источником проблем. «Что-то пошло не так».

Деньги. По купюрам считать не буду, просто по пачкам прикину – семьдесят две тысячи рублей. Это тут сколько? До хрена? Наверное, до хрена, раз начали валить друг друга.

Пистолет чистый, кстати, ни разу не стрелял, кроме как в цель в лесочке, можно не сбрасывать. Статья за него и так есть, до шести лет, но сверху ничего не навесят. Осталось с моим рюкзаком и экипировкой разобраться. И автоматом.

Автомат уже задействован, но сбрасывать его не хочу. У меня к нему большой бэ-ка, и, вообще, я к нему привык. И глушитель есть, правда, без звуковых патронов. Закопать?

Закапывать не в чем, убью хорошее оружие. И еще на мне маленький «Смит-Вессон», в рукаве, на бицепсе, я его не снимал, и большой FN с ред-дотом, пустынного цвета. Подозреваю, что таких тут нет и быть не может, так что тоже лучше бы припрятать. До лучших, а если точнее, то до худших времен.

Есть тайник, в гараже. Лично мой. Не бог весть что за тайник, любой обыск его сразу вскроет, но пока положить можно. Там уже что-то лежит, просто подсказчик пока не подсказывает.

Тогда все, тогда надо звонить.

– Алё, – басовитый голос в трубке. – Ты где? Чё там у вас?

– У нас все не очень.

– Товар? – голос резко сменил тональность.

– У меня.

– Фух, – выдох, – это хорошо. Сам как?

– Приболел мальца, но дома отлежусь.

– Ты где? Дома?

– Пока нигде. Через час дома буду.

– Давай я подъеду. Штопор чё?

– Штопор всё. И весь головняк с него.

– Ну я понял, давай.

Отключился. Тогда домой надо, на Новые микрорайоны.

Развернулся на поляне, покатил обратно к речке. Бомжей у моста уже не было, на кучах мусора разве что ворон здоровая стая. На подъеме подгазовать пришлось немного. Движок и вправду так себе, сил семьдесят, наверное. На выезде на дорогу огляделся – ничего подозрительного вроде.

Как ехать? Мне не через весь город, но все равно через центр, так быстрее. Пока слева Гадюжник, справа промзона. Гадюжник смотрит пустыми провалами окон на город. Как зомби, готовящийся сожрать все, что видит.

Чуть дальше по Восьмого Марта трущоба отступила, сменившись еще жилыми старыми панельными домами. Местами в первые этажи встроены магазинчики, причем совершенно анархично. Была квартира и вход в нее из подъезда, а тут с фасада дверь пробили и крыльцо пристроили, кто как сумел. Продукты, одежда, ломбард, электроника и так далее. На углу пивнушка, но это уже не квартира, там изначально «стекляшка» была.

Тут самый дерьмовый район города, в старых панельках как-то поддерживается жизнь. Прохожих почти не видно, у булочной стайка бабкок что-то обсуждает, да на крыльце салона сотовой связи сидит группка пацанов в трениках и с бритыми бошками – гопота местная.

Машин чуть больше стало, начали выезжать и из боковых улиц на главную. Все больше неновые, при этом почти ни одну модель не узнаю без подсказки из головы. А так «Лады» все больше, именно «Лады», а не «Жигули», не встречал я такого названия. Несколько «УАЗов», потом милицейская «Волга» с мигалками проехала навстречу. Тоже какая-то совсем непривычная, похожая на «американцев» начала двухтысячных.

Потом ментов так увидел, пешими. Форма темно-синяя, шевроны на рукавах, кепки-бейсболки. На меня внимания ноль, и это хорошо, а то с моим грузом будет забавно спалиться в первые же часы в новом мире.

Чем ближе к центру, тем оживленней район. Но все равно странное впечатление, потому что, с одной стороны, это другое время, позже даже того, из которого я провалился, а по ощущениям так на начало девяностых тянет. Скопления ларьков где попало, разношерстные вывески, битый асфальт, тротуары кошмарные.

Народ процветающим не выглядит, моя машина так и вовсе за крутую тачку выходит, как в былые времена новая «девятинка» где-нибудь в глухой провинции. Да и сам я, со своими цепью и «гайкой», да в таком прикиде... и кепочка еще эта дурацкая.

С Восьмого Марта свернул на Академика Патона, она вроде как по краю центра идет, к мосту, по которому я из Южного в Заречье смогу попасть. Тут трамвайные пути потянулись. Асфальт вдоль них не очень, прямо скажем. Грязюка. И что мое второе я на мойку машину гнать хотело?

Передо мной наглаком из переулка встряла серебристая «двадцать вторая» – такая же «Лада», как у убитых кавказцев. Только вместо того, чтобы брюхом по асфальту чиркать, эта вся чем только ни увешана, и музыка бамбасит на все окрестности. Электронное что-то, словно тут эпоха рейва не закончилась. В машине, по мордам судя, «чиста пацаны». Бошки бритые, у водилы олимпийка вроде моей. Только молодые совсем, вообще сопляки. На ум пришла то ли своя, то ли подсказанная мысль о том, что такие не заживаются подолгу. Это во всех мирах за правило, пожалуй.

Перетяжки через улицу, реклама всего: бытовой техники, машин, агентств недвижимости, торговых центров. Включил музыку – у меня благодать какая-то заиграла, вырубил сразу в ужасе. И при этом увидел, что у меня к стерео подключен маленький плеер. Глянул поближе – MP4. Хотя что-то знакомое. Потереть все на хрен с него и накачать приличной музыки.

Тут очередная мысль: почему о Насте не беспокоюсь? Настя еще не здесь. Я чувствую, я знаю, что она здесь будет. Очередной выкрутас времени. Буду ждать, подготовлю место к

приему. Все. Так что рано беспокоиться, о делах пока думать надо. Понять для начала, где я вообще.

Жить тут можно?

Ой, вот это я не знаю. Как-то так себе впечатление, очень уж так себе. Но дети тут есть, детей много, значит, живут тут обычной жизнью, никаких вечных эльфов, мать их так. То есть однозначно лучше, чем там, откуда я появился.

И опять же тонкость – мой прототип передал мне твердую уверенность в том, что прожить долго для меня – большая удача. Это обстоятельство заставляет сильно задуматься. Сменить род занятий? А как? А на какой? Как это все вообще здесь делается?

Река под мостом широкая, метров пятьсот, наверное. Под дождем ожидаемо серая и даже на вид холодная. По реке буксир баржу с гравием тянет вниз по течению. После моста указатель «Пос. Энергетик, 10» – и стрелка направо. Туда свернула «Газель» с логотипом мебельного магазина на борту.

Иномарок вообще нет. Ни одной. Нет привычной рекламы всяких мировых брендов. Тоже вообще. Вот это особенно странно, так не бывает. По крайней мере не было на моей памяти, и даже в тех же девяностых народ в Россию подержанные иномарки потащил, как взбесившись. У меня самого такая «БМВ» была, которая через три тысячи пробега накрылась раз и навсегда. Зато эти три тысячи как понтовался...

Трамваи вроде знакомых чешских, но явно новей. С виду современной, но громыхают, как встарь.

Мне опять сворачивать на Новомостную. Пропустил на перекрестке троллейбус совсем неизвестного мне вида, свернул следом и тут же его объехал, потому что тот свернул к остановке. На остановке кучка людей рабочего вида, куртки вроде дешевых китайских пуховиков, сумки через плечо, там же какая-то девчонка с зелеными волосами, пирсингом и бледным лицом.

Дальше дорога посвободней и пошире, разогнался. Заправка справа, на колонках написано «Пропан». Ага, буду знать, у меня больше половины бака пока. Или баллона? Наверное, все же баллона.

Снова указатель, на этот раз налево: «Новые микрорайоны». Туда и свернул. Проехал мимо какого-то рынка, затем торгового центра, возле которого разминул с еще одной милицейской «Волгой», а вот дальше район пошел совсем непривычный. У нас так не строили никогда.

Дома пошли трехэтажные, очень длинные и со множеством подъездов. С одной стороны входы, с другой на первом, или цокольном, этаже гаражные ворота. И указатели съездов с номерами кварталов. И так уныло, ряд за рядом, квартал за кварталом, одинаковые дома. Местами между ними детские площадки, вызывающие своим видом только скуку, какие-то чахлые полудохлые скверы. Стены и ворота гаражей расписаны граффити или просто матерщиной.

Доехал до нужного съезда, там покатыл вдоль ряда домов, пока не доехал до десятого. И уже там свернул на «воротную», а не на «подъездную» сторону. Над воротами номера, дом длинный, как Китайская стена. Вон мой номер, «27», мне туда.

Сдал к воротам задом, вышел из машины. На воротах незабвенная эмблема «Спартака» и информация о том, что он чемпион. Вот как. Ворота же самые обычные, распашные. Внутренний замок и еще навесной. Отомкнул оба, обнаружил внутри голые стены из бетонных блоков, в дальнем конце маленькая лесенка до двери.

Гараж же маленьким не был. При желании по длине можно было втиснуть еще одну «Тайгу», если очень постараться. Закрыв ворота изнутри, на замок и засовы, огляделся.

Так, подсказчик, ну же!

Третья и четвертая плита от того угла. Подцепил отверткой, поднял – под ними немалая емкость. Свалил туда оружие и патроны, следом свое барахло разом, пусть пока. Там еще

свертки всякие, но сейчас не до них, времени мало, потом разберусь. Деньги и наркоту с собой – и наверх.

Дверь из гаража вывела в кое-как покрашенный подъезд с потеками сырости по внешней стене. Бетонная лестница, простые крашенные сварные перила. Обычная железная дверь, «27» на ней выведено краской по трафарету. Ожидал от этой двери гулкости, но замок провернулся глухо, и открылась она тихо – явно заполнена чем-то.

Квартира чуть удивила, никаких подсказок я на ее счет покуда не получал. На фоне всеобщей обшарпанности она выглядела как островок домашнего уюта. Так вроде все просто, но чисто, и даже какой-то стиль есть. Маленькая прихожая с зеркалом и вешалками, из нее можно в ванную зайти. Там все простенько, но чисто, и тоже вроде стиль наличествует. Затем довольно большая комната, и из нее вход в кухню. На ум сразу пришло слово «Икеа», именно у них все такое.

В комнате зеркальный шкаф во всю стену, широкая кровать, отделенная от остального пространства декоративной перегородкой. Диван, два кресла, низкий столик, у окна стол с компьютером. На окне жалюзи, явно потому, что с соседним домом чуть не окна в окна.

Так, деньги... деньги пока в кухонный шкаф, чтобы на глаза случайно не попались. Не было никаких денег вообще. Не было – и все тут.

Таблетки в холодильник, прямо в пакете. Их отдать надо будет. Все вроде. Теперь переодеться, потому что, по легенде, я весь в крови был. И вид понесчастней, я же ранен. И ждем этого Большого, так как почти что час и прошел.

Звонок в дверь оказался с незнакомой мелодией. Я поискал глазами домофон, но ничего у входной двери не нашел. Пришлось топтать в холодный подъезд самому и спускаться на первый. Там уже отпер еще одну железную дверь длинным ключом с двойной бородкой, на этот раз гулкую и крашенную в бурый цвет. За ней, перед самым крыльцом, оказалась еще одна «Тайга», только вишневая и на модных дисках, а на самом крыльце стояло двое – здоровила с бритой головой, лет сорока, со сломанным носом и ушами, и совсем молодой вертлявый шустрик чуть за двадцать возрастом, с убранными в хвост длинными волосами.

– Живой, Вован? – здоровила шагнул в дверь, облапив меня и похлопав по спине. – Чё с репой?

– Касательное, – изобразил я многозначительную лаконичность. – И сотряс, похоже, блевал дважды.

Вихлястый тоже вошел следом, протянул тощую ладонь для рукопожатия. Саня, Саня Сирота. Фамилия у него Сиротин, он Большому каким-то родственником приходится, ну и возит его заодно.

– Может, лепилу пригнать? – забеспокоился Большой. – Пусть колес каких даст или чё.

– От сотряса только лежать, – отказался я. – Нет от него колес.

Поднялись в квартиру, я захлопнул за гостями дверь. Затем, не теряя времени, открыл холодильник, выудил оттуда пакеты с таблетками и выложил на стол.

– Товар.

– Чё там вообще было? Разъясни за замес, чё за дела? Чё не так пошло? – Большой взял у меня пакеты, встряхнул ими зачем-то, затем передал Сироте, который сразу запихал их в сумку.

– Меня Штопор завалить пытался. Сзади в затылок. Я отражение в стекле увидел, дернуться успел.

– Сам Штопор шас где? Ты его?

– Не я. – Я покачал головой и тут же изобразил страдание. – Штопор в натуре debil, он на их выстрелы нарвался. Они его, а я уже их.

– Всех? – чуть прищурился Большой.

– Если их трое всего было, то всех. Сколько на низкой «двадцать второй» приехало.

– Остальное тоже не сдал?

– У меня все осталось. – Я прислонился плечом к косяку кухонной двери, изображая слабость. – Там даже терок никаких не было, сразу все понеслось. Слышно уже чего?

– Да так, непонятно что. Я Панкову звонил, но тот на измене, начальство рядом, не сказал ничего. Штопор, сука. – Большой ударил здоровенным кулачищем по похожей на лопату ладони. – Вот всегда за ним гниль чуял, но чтобы так...

Знание: Панков – мент, из ГУВД, Большой ему платит за информацию. Штопор с нами недавно, и он не в бригаде, а так, прибил. Пару дел подгонял. А за Штопором Большой не чуял ничего на самом деле, вполне доверял.

– И все?

– Пока все. – Большой закусил нижнюю губу, явно нервничая. – Надо было тебе Штопора увезти оттуда, хотя бы зажмуренного. Начнется сейчас...

– С Муслимкой однозначно начнется, увози Штопора или нет, – неожиданно возразил Сирота. – Они один хрен в курсе.

– Они в курсе, так теперь еще и мусарня впишется. Сколько трупов? Четыре? Вот и прикидывай.

– Большой, не до того было. – Я картинно вздохнул. – Кровища льет. – Я показал на повязку. – В башке треск, в глазах искры, еле сам уехал. Потом отключился даже.

– Где ныкался?

– Да на Помойке, где еще? Чуть бомжи не сожрали.

– Ага, эти могут, – заржал Сирота. – Слышал, как пацан с Вагонки в шашлыке партак фуцана одного нашел, какого они же бомжам за ящик водяры сдали?

– Да гонево, – прервал его Большой. – Для шашлыка шкуру бы сняли. Как маленький, в натуре.

– Ты Большой, я маленький, все законно, – хихикнул Сирота.

– погоди, не мешай. Вован свалится щас. Значит, так, – повернулся Большой ко мне. – Пока тихо сиди, лечись. Жди звонка или почты. Лепилу точно не надо? А то Абрамыч подъедет, ему десять минут.

– Не, точно. Просто отлежусь.

– А это? – Толстый палец с татуировкой в виде восходящего солнца показал на повязку.

– Обработаю сам, я умею.

Откуда-то умею, да. И они это знают.

– Людку пришлю, пусть хавки привезет, – решил Большой. – Дальше сам разберешься.

Хотел было отказаться, но не стал, почему-то понял, что будет неправильно.

– Все, топчи харю давай, – протянул он руку на прощание. – Бухать же нельзя при сотрясе?

– Нельзя, – изобразил я страдание.

– Вот и не бухай. Давай, щасливо.

Я все равно спустился следом, чтобы запереть дверь.

Так, ну и где я? Мебель хоть с виду и модная, а по сути ламинат на каркасе, именно что как самая дешевая из «ИКЕИ», оказалась и взаправду «икеей». В кухонном шкафу штампик нашел, но еще и «сделано в России» там было, на штампике этом. Полез в шкаф. Одежды много у Вована, но все больше несложная, типа там джинсы, треники, кроссовки, пара невероятных блестящих костюмов из серии «Вася, не будь дешевой». Какие-то туфли под них с острыми носами, как у убитых кавказцев. Еще и с пряжками. Кошмар чистейший.

И опять, где есть этикетки, на всех написано «сделано в России». И это опять же очень странно. На таких вещах ожидаешь увидеть «Китай», уровень как раз такой, а тут только стволы оттуда, контрабандные. И таблетки, к слову. Таблетки тоже оттуда, всплыло в мозгу.

Почему не всплывает понимание этого мира? Слишком большой блок, похоже. Я больше за ассоциации цепляюсь, вот пока их критическая масса и не набралась.

Компьютер. Даже не компьютер, а хитрая такая штука – большой планшет вставлен в системный блок. Похоже, что так он за монитор, когда вытаскиваешь, то уже планшет, при этом системник, судя по маркировке, начинает раздавать вай-фай. Никогда такого не видел. И рядом еще один планшет, небольшой, с книжку. На всем надпись «Система-Три», на русском. Это уже неправильней неправильного. Что тут, аваркия?

Что-то в мозгу подсказывает, что нет, что это я пальцем в небо. Тут что-то совсем другое, совсем-совсем. И вот когда я на контрабандное оружие смотрел, в голове не только слово «Китай» всплыло, но еще и почему-то «Маньчжурия». И это опять и снова странно, я про Маньчжурию как самостоятельное понятие слышал разве что при упоминаниях про Маньчжоу-Го. И все.

Так, ладно, у меня неделя форы есть, потом разберусь. Надо перевязаться уже нормально и рану обработать, что я там сделал – это так, фикция.

Взялся искать аптечку и нашел ее на кухне, на удивление, большой мешок со всякой медициной и перевязочными. Заодно нашел бар с многочисленными бутылками. Сотрясения на самом деле у меня никакого нет, так что мне можно, просто потом, после того как эта самая Людка уедет.

Людка – подружка Большого. Новое знание.

Размотал бинт, глянул на рану – все же неплохо распахало, словно и правда там пуля впритирку прошла. Вот тебе и ментальная связь или что это такое. Тщательно промыл перекисью водорода, потом до кучи по краям еще и йодом обработал, шипя и ругаясь. Забинтовал по подушечкам, не очень плотно, чтобы рана сквозь бинт дышала. Стер и смыл кровь с лица. Вот так лучше будет.

Голодный. Что в холодильнике? А пусто в холодильнике. «Байкал» какой-то, лимонад, две бутылки «Жигулевского» и три «Темного бархатного». В шкафу пакет воблы, сухой, аж трещит. Я именно такую люблю, но без пива, саму по себе, а пиво предпочитаю без воблы. Хлеб еще есть, черный. Но черствый. Но правильный черный, такой сейчас можно в шипящее подсолнечное на сковородке, посолить – и сам по себе он блюдо.

Ладно, тоже все потом. Телевизор какой тут, кстати? Ага, аж «Рубин», классика жанра. Плоский, довольно большой. Включил, нашел пять каналов. По двум футбол, по трем музыка. И все. Новостей никаких, но время не новостное, если они и будут по какому-нибудь каналу, то через семнадцать минут. Подождем. И вообще как-то телевизор сейчас не прет, выключил. Позже.

Людка ехала часа полтора. Опять спустился вниз, запустил внутрь двух женщин с сумками. Эти приехали на «двадцать третьей». Это как «двадцать вторая», но трехдверка. Сразу пришла на ум ассоциация с девянностями: себе крутые пацаны на пути к успеху брали «девятину», а телкам своим – «восьмёры».

Затащили сумки на второй этаж, гости прошли внутрь. Какая из них Людка? Ага, вот эта, высокая, в расписных сапогах, легинсах и белой куртке с позолоченными металляшками и воротником из искусственного меха. Явно модная. Вторая тоже, впрочем. И еще «попастая», то есть так вроде даже худая, а задницу словно от другой женщины взяли и к этой приставили, мячом торчит. И еще сиськи торчат, но там явный силикон, даже под тонким свитером сразу видно. Губы свои, зато нос правили – ноздри спереди заострены в щелочки. Картошечка раньше была?

Людка, справившись про здоровье, начала выгружать содержимое пакетов в холодильник, а вот вторая гостя просто начала раздеваться. Нет, не стриптиз, в смысле, не догола, а как у себя дома, и даже тапочки откуда-то вытащила, к моему ужасу. Нет, и ужас не от нее, не страшная, просто как бы я не ожидал, и все такое.

Эта темноволосая, лицо округлое, чуть скуластое, глаза такие, маслинами, черные. На лице пластики нет, но бюст тоже от лучших местных хирургов, тут не ошибешься. Еще она в мини, в бедрах широковата малость, на мой вкус, но все равно и ноги вполне, и место, откуда растут.

Знание шокирующее: моя постоянная подружка.

Черт, как я этого не предусмотрел? Мой внутренний подсказчик без запросов от объективной реальности молчит, как партизан, вот и про нее промолчал.

– Жанн!

Да, именно Жанна. Точно, Жанна.

– Что? – посмотрела она на меня. – Заботиться о тебе буду, любить и ласкать.

– Жанн, мне бы одному лучше. Я и блевать могу начать, и обложить тебя ни за что, потому что по башке прилетело.

– Нашел чем пугать, – фыркнула она. – Медсестру из психушки, пусть и бывшую. Вов, ты ваще как маленький.

Что делать? Мне косячить нельзя, я к этому миру не готов еще, тем более тут расклады такие, что за косяки можно и на речку Помойку уехать, и стать потом анекдотом про шашлык, а помимо всякой морали и осторожности, мне эта Жанна мешать будет страшно, просто невозможно как мешать. И хоть убей, не понимаю, как ее отсюда наладить куда подальше. И лежать все время, изображая больного, я тоже не могу и не хочу, у меня на эту неделю планы уже.

– Жанн, давай завтра, а? К вечеру?

– Вов, я тебе ее специально привезла, а ты как не родной, – высунулась из кухни Людка. – Сдурел?

– Ну ты бы меня сперва спросила, – развел я руками. – До завтра я один, все. Жанн, ты звони, и если я нормуль, то приезжай завтра, – предложил я мировую.

– Ну бли-ин, Вов, чё ты как этот самый, а? Специально, блин... ладно, не важно, а то Людка подслушивает. – Она хлопнула себя по тугой заднице, обтянутой леопардовой юбкой. – Вов, дай тогда денег, мы ходим куда-нибудь.

– Сколько?

– Дай пятьсот, не жмись.

Внутренний голос подсказал, что и сотни за глаза хватит, ну двух, но на этот раз я решил к нему не прислушиваться. Может быть, загуляет на все пятьсот, и ее тогда и завтра не принесет.

Получив десять купюр по пятьдесят, Жанна забыла обижаться и быстро оделась. После чего обе также быстро смылись. Я запер за ними вход и услышал через дверь, как они хихикают у машины. Затем уехали, а я облегченно вздохнул. Пока справляюсь.

Еды было много. Вся из супермаркета и прямо скажем – так себе. Как раз как в том же начале девяностых, когда магазины дешевым и дерьмовым импортом завалили, но только здесь все свое, местное, отечественное. Колбаса химических оттенков, йогурт с ощущением смеси порошка и пальмового масла на языке, какая-то кондитерка в упаковках, какая лет по пять лежит в шкафу и не портится. И при этом видно, что девки заботились, набрали всего на целый взвод.

Пиво тоже так себе, явно из концентрата, но ладно, пить все же можно. Пробежал по бутылкам в баре: вино грузинское, водка, похоже, из дорогих, дагестанский коньяк. Значит, тут все же какой-то импорт был, например, пара бутылок недорогого испанского вина. Явно недорогого, я в них разбираюсь, но совсем плохих там не бывает, так что нормально.

Не удержавшись, пожарил себе пару тостов из черного хлеба, расплавил на них сыр, бросил сверху по несколько ломтиков копченой колбасы. Теперь пивка – и за компьютер.

Первое впечатление от интернета – скучный он что-то. Нет, обычного «развлекательного» дерьма хватает, картиночки, фоточки, тестики, рекламы выше башки, но весь интернет какой-то местный, российский. «Одноклассники», «ВКонтакте», лайки, репосты. Мой прототип свой профиль во «ВКонтакте» имел, правда, почти пустой, за что ему сердечное спасибо.

Новости. Вроде бы ничего странного, разве что международной политики мало. Очень мало, просто на удивление. Экономика, тут построили, там построили, тут авария, там криминальная хроника. В голове что-то бродит, вроде вот-вот все вспомнится и поймется, но до конца не вспоминается. Прямо физически ощущаю, что понять надо сразу очень много, почти неподъемный вес взять в один прием, а у моего мозга полоса пропускания узкая для таких массивов, вот и сопротивляется. И нет ничего по поиску «как все оно тут так получилось?», нет, и все тут. Новости, фоточки, лайки, демотиваторы. Правда, опять все как-то девяностые напоминает, на половине фоток под бандитов в закосе, на второй половине под дорогих проституток. И да, как-то офисного продвинутого планктона мало в сети, мало. Словно почистил и отрезал кто-то его... опять странно.

Армия. Афганистан, но не война, а все сплошь «спецоперации». Ролики со сжиганием плантаций мака, вертолеты в небе, солдаты перед камерами. Вот тут все так внушительно выглядит, экипировка крутая, оружие хорошее, автоматы новые какие-то, хоть в них старый «калаш» и просматривается. Средняя Азия, опять какие-то операции. Лайки, лайки, лайки под всеми новостями, там везде почти что формат соцсетей. И сплошь доменная зона «ru».

Поиск на английском в большинстве случаев вел на российские же ресурсы, хоть и не обязательно. Несколько раз уводило в Америку, но там тоже лайки, фоточки, соцсети, «смотри, какой трак», и все. Новости ни о чем. И такое ощущение, что эти два сегмента интернета между собой даже не связаны толком, если только случайно. Не файрволами отделены, а просто не интересны они друг другу. Как вот... вот здесь все «сделано в России», а у них там наверняка все «made in USA». От новостей до интересов. И да, там тоже что-то про армию и «маринз», те на мексиканской границе и еще где-то, такие же картинки. И ни слова про Россию. А в России почти ни слова про Америку. Ни мы им спать не мешаем, ни их Госдеп у нас в подъездах не гадит. Как забыли друг про друга.

Как так может быть? Были отношения лучше, были хуже, но вот так, чтобы никакого дела друг до друга – никогда. И в остальном так, новостей за пределами страны почти нет. Даже в перевернутом виде, как при советской власти, про «но не радуется Рождество простых американцев».

Станный какой-то интернет. Объявления, купи-продай, работа, опять работа, причем что непривычно – все больше работяги требуются, на один завод, другой... Что тут в городе есть? Вагоностроительный, силикатный, метизный, фабрик всяких... пошивочная компании «РусТекс», мебельная... молокозавод «Буренка»... много всего, от обувной фабрики до пивзавода. И опять же непривычно малость.

Зарплаты какие предлагаются? А так себе зарплаты, я по ценам сужу. Моя «Тайга» почти десять тысяч стоит, ее работяге не купить. Почти как в советские времена соотношения. Ну, чуть-чуть ближе. То-то машины на улицах больше старые, да и не так их много, а на остановках очереди. Опять странно, вроде работы много, реальный сектор и все такое, а богатства никакого не видно. И город грязный, обшарпанный... депрессивный регион?

Криминальной хроники хватает. На сайте городских новостей уже статейка о перестрелке в Гадюжнике. «Убитые принадлежали к криминальным группировкам города». Ну да, я в курсе, в принципе. Отдельная статья про сам Гадюжник, типа чтобы два раза не вставать. Рассадник и все такое, раковая опухоль, начальник ГУВД Вершинин обещает приложить все усилия... в мэрии сказали, что рассматривается программа ликвидации...

Тут знания возникли снова: черта с два Гадюжник кто ликвидирует. На это дело деньги выделяли уже раз пять, да все ушли куда-то, потерялись. А кто из городской и милицейской власти с Гадюжника доход имеет – их всех так разом даже я не перечислю. Территория полного беззакония всем властям выгодна. Так что таких интервью мы еще наслушаемся.

Но в остальном... не считая этой странной замкнутости – нормальная городская жизнь. Для не слишком богатого места. Да, наткнулся на объявления о наборе в армию, не призыв. В армию, флот, авиацию. Плакаты, снова ролики, снова плакаты. Адреса рекрутских контор в городе, их целых три. Это непривычно, да.

Тут вдруг в башке что-то сдвинулось, щелкнуло, очередная дверца открылась.

Армия. Я сам из армии. Восемь лет службы, до старшего сержанта. Аэромобильные войска, разведка. Должен был служить десять, но «что-то пошло не так» опять же. Вспомнилась депрессия, даже забухал поначалу, все планы на жизнь накрылись. Я не тут должен был жить, но меня со службы погнали с «волчьим билетом». За что?

Снова что-то всплыло. Да за то, за что могут или медаль, или под задницу, как обычно. В моем случае небесные сферы провернулись так, что назначили крайним. Под трибунал не пошел, но со службы выперли без всяких рекомендаций, только выходное выплатили. А без рекомендаций дальше...

А куда дальше? Что там дальше? Что должно было случиться дальше?

В частники. Все военные с хорошим послужным потом идут в частники. На частные территории или к тем же атомщикам.

Мысль сама соскользнула в сторону, зацепилась за очередную деталь, проскочившую поначалу незамеченной. Атомщики. «РосАтом» и «ЭнергоАтом». Они как-то почти везде в новостях. Опять вскрывается новый пласт знаний: поселок Энергетик, до которого десять километров – он при АЭС. АЭС много, они по всей стране, тут все на электричестве, даже отопление в моей квартире. Нефть только на химию и военным на горючку, всем остальным, вроде меня, – газ. В обычных городах. А есть и необычные, что ли?

Голова болеть начинает, не выдерживает путаницы мыслей, мой настоящий я и я убитый начинают толкаться боками. Города бывают федеральные, частные и ЗАТО, то есть закрытые автономные территориальные образования. Вот мне теперь судьба только в федеральных жить, в частные и ЗАТО путь закрыт навсегда.

Тут все, «мозг больной свело», не могу больше так, отдохнуть надо. Налил стакан пива, закинул таблетку ибупрофена в рот, запил. Черт, аж глаза болят, словно кто выдавить их пытается. Не приспособлена моя башка по объему два ума сразу вмещать, в ней и один-то с трудом размещается, и тот не Аристотелев.

Все, отдых. Всему свое время, торопиться не надо. Черт, вон как схватило, пульс в затылке руками чувствуется.

Что тогда? А в гараж схожу, гляну, что в тайнике там, гости вроде бы уже не ожидаются. За окном, кстати, темно, времени-то немало прошло, к ночи дело. Где-то музыка слышна, компания какая-то орет, похоже, что на детской площадке собрались, машина в доме напротив в гараж заезжает. Жизнь кипит за окном. И как бы там ни было, а мир этот обычный, то есть не мертвый, не полумертвый, а заселен под крышку.

Так, ладно... натянул кроссовки, свитер вытащил из комода – вроде нормально. Гараж без отопления, к слову, равно как и подъезд. Поэтому там и стена сырая. Знание подсказало: с отоплением в подъезде строители сэкономили, по проекту оно было. Компания «Гормонтаж-4» уже за местный анекдот, «Гормонтажи» номер один, два и три удачно обанкротились, но при этом владелец у них один – сын главы администрации. Теперь у этой удивительной компании уже четвертое воплощение.

Дверь в гараж тоже железная, они тут все железные. Зашел, щелкнул выключателем, под потолком голая лампа в патроне зажглась. Но хотя бы экономичная, спиральной.

Чужих глаз нет, так что закрываемся изнутри и шарим в тайнике.

Сумки с оружием в сторону, мое имущество тоже. Надо его поднять наверх, разобрать и спрятать заново, а то просто свалил. Плейт-карьер еще бы и постирать, кровью испачкан. И шлем изнутри вымыть.

Что дальше?

Дальше еще три пистолета. Два таких, какой у меня сейчас под свитером, и один «М1911» размера «коммандер», но тоже китайский, понятное дело. По паре магазинов ко всему. Тут не воевать, тут пострелять и скинуть, я со своим даже запасной не ношу. Патроны в пачках.

Опять «узи», большой и маленький. Один глушитель. А вот самый настоящий «АКМС», только приклад все же по-другому складывается, вбок. И дульный тормоз не такой, как обычно. Но цевье деревянное. Маркировка... а на этом есть номер и иероглифы. И «made in China». Не такой левый, как пистолеты? Вообще-то выглядит стрелявшим, хоть и не слишком много. Стоп, он же под 5.45, не 7.62. То есть не «АКМС», а «АКС» получается. Но приклад все же не нашей рамочкой, другой. И второй такой же, но уже укорот, копия нашего привычного, за исключением приклада, а в остальном уже никаких отличий, кроме маркировки. «Норинко» и все прочее. Не помню, чтобы в моей действительности китайцы под этот калибр делали. Ну и пять гранат еще, обычных эргэдешек, тоже китайских, как я понимаю.

Вообще, неслабый такой арсенал для обычного бандита. Или нормально? Хотя наша бригада оружием приторговывает, так что нормально, что себе что-то остается. Это все из товара.

Пластиковая коробка, в ней десять тысяч в пакете, ствол «сорок пятого», опять с глушителем, но для полноты не хватает другого комплекта документов, на другое имя.

Знание: документы тут на другое имя хрен получишь, тут все опознания по пальцам, так что если только совсем туфтовые, даже с нерабочим чипом, с медяшкой вместо него бесполезной. Ходят легенды о том, что где-то с кем-то как-то можно договориться и тебе имя прямо в центральной базе данных сменят, но это именно что легенды, ни одна живая душа из знакомых не договорила.

Ладно. Надо бы все же мое барахло перепрятать. Где у меня тайник, даже Большой не в курсе, но не так уж сложно найти. Лучше бы, чтобы в нем не было ничего странного. В том подвале, откуда я вышел, не получится тайничок оборудовать? А надо бы проверить. И как можно быстрее. Потому что именно туда должна провалиться Настя. Так что место бы подготовить неплохо. И как-то обезопасить от шляющихся не по делу. Как? А хрен его знает.

Ладно, прихватываю все, что нужно, – и наверх. В разгрузке моей ничего такого особого нет, как я теперь по уже проявившимся военным воспоминаниям прикидываю, пусть и не своим. А вот постирать ее точно нужно.

Поднялся из гаража к себе, разгрузку закинул в ванну отмокать, залив теплой водой с чистящим средством. Потом, осененный очередным знанием, пошел в прихожую, руку на верх вешалки, пошарил. Уцепившись за тяжелое и металлическое, вытащил оттуда «помпу» двенадцатого калибра. «Бекас». Это легальная, на всякий случай. Я в прошлом не сидел и не осужден, хоть под следствием и был, так что воспользовался правом. Там же нашел пару коробок с патронами. Знание: сейф тут для гладкоствола не обязателен. А не гладкоствол запрещен. Правда, нелегальных стволов до черта, как опять второе я подсказало. Китайскую границу хоть и армия охраняет, но везут через нее все равно много. И много откуда везут, не только из Китая. Это у нас канал китайский.

С наплывом новых воспоминаний опять начала трещать голова, так что я решил плюнуть на все и просто завалиться спать. Утро вечера мудренее. И опять же во сне подсознание работает, авось доработается до чего-нибудь путного. А думать я больше сегодня не могу, больно мне уже думать.

3

Утром включился неожиданно планшет, заверещал голосом старинного будильника, заставив выругаться. Взял его с тумбочки, глянул – восемь утра. Вот точно в восемь не собирался просыпаться, намеревался спать, сколько получится. Можно, конечно, попытаться спать дальше, но проблема в том, что ощутил себя выпавшимся. Совсем выпавшимся, бодрым, и голова не болит уже.

И вообще, какое-то странное ощущение... черт его знает, словно ждешь чего-то, что вот-вот случится... или случилось, просто ты пока об этом не знаешь. Нет, не беды ждешь, а просто события какого-то, может, даже хорошего.

Чего жду?

Откинулся на подушку, закрыл глаза, выстраивая в ряд засуетившиеся было мысли. И так... и так, вот что: мои две личности ужились во мне. Точнее, личность осталась одна, но вот память личности второй нашла наконец свободные сектора на накопителе в моей голове и удачно туда за ночь записалась. Не то чтобы совсем упорядоченно, но... мне кажется, что я помню и знаю все.

Нет, я не поклянусь в том, что вообще все, потому что если я чего не знаю, то и не знаю, что я этого не знаю, так? Но вот при всем при этом нет больше вчерашней растерянности. О чем-то подумаю – и сразу знаю, как оно чего.

Вот Жанна, например. Мы с Жанной, оказывается, в последнее время в натянутых. Я к ней спокойно, есть и есть, а она упертая, ей то одно, то другое. Поэтому гавкались почти каждый раз, а я думал уже о том, что послать ее надо. И Большой, к слову, в курсе был, мы с ним, оказывается, с детских лет знакомы. А Жанна для меня сейчас угроза номер один, потому что она в постель полезет, и она меня без одежды хорошо помнит. И сильно удивится тому, что особые приметы изменились как-то вдруг.

Значит, что? Значит, конфликт надо развивать и отношения прекращать. Потому что на ней я попадусь однозначно.

Съезжать отсюда? А не так все просто, тогда и свои искать станут. А искать тебя не так и сложно, оказывается, если ты в другой город поехал, это только в своем городе скрываться легко. Машину останавливать будут и у тебя документы проверять, да и не принято особо машинами путешествовать, в стране рулит РЖД. Сеть автодорог у нас развивать невыгодно, дорого все дорогами возить, а по железке дешевле и проще. Но билет покупаешь по документам, все попадает в базу, к базе имеют доступ менты. Нужному денег сунул, и все вскрылось. Вот как все здесь, а?

Поэтому жил я в этом городе с детства, а как из армии вылетел и сюда вернулся, так и понял, что жить мне тут до старости. Ну или сколько получится, потому что профессиональный риск и профессиональные болезни у нас типа пули в башку. Какую настоящий я вчера схватил, к слову, именно в башку. То есть предсказал себе все верно.

Можно завязать с преступным прошлым, как вариант, но что делать тогда? Тут только на заводы или бизнес открывать. Бизнес я умею, но не здесь. Да и не отпустит это самое прошлое меня, если никуда не уезжать, тут ежу понятно.

В любом случае мне надо ждать Настю. За это время нужно делать минимум резких движений, как можно меньше рисковать и все такое. И заодно прикидывать, как жить дальше. Или искать новую «дверь». Или даже строить проход... обратно? Нет, вот обратно как раз не хочется. Тогда уж лучше здесь. Жили в девяностые, и здесь проживем. А дальше, может, и здесь наладится. Хотя нет, здесь-то как раз *уже наладилось*. Просто *наладилось* именно вот так. Это не путь к цели, это уже достигнутая цель.

Прототип мой сильно политикой не интересовался, жил он проще, чем я, так что я вынужден был пользоваться тем немногим, что нашлось в голове на полках «История и политика». Мир для него был един, ничего странного и ненормального он в нем не замечал, так что потребности в анализе не испытывал.

Сложно сказать, когда именно пути мира моего и этого разошлись. Достаточно давно, может даже до того, как здесь развалился Советский Союз. Здесь не случилось двух вещей: «рейганомии», с надуванием экономики бесконечным количеством денег, и скачка цен на сырье, случившегося в результате. Соперничество с Америкой сошло на нет, а Америка, равно как и другие страны «золотого миллиарда», пошли другим путем. Вместо новой колонизации новых рынков они замкнулись в рынках своих, наоборот, закрывая их почти для любого импорта.

В результате не смог развиваться на экспорте Китай. Вместо того чтобы стать ведущей экономикой, он сначала оставался не слишком развитой перенаселенной страной, а потом и вовсе развалился на несколько частей. Ряд странных эпидемий фактически изолировал его от внешнего мира, а когда они закончились, связи были уже разорваны. Ведущие экономики были больше озабочены тем, чтобы не дать подняться не ведущим никогда. Всеми силами.

Что с дешевой рабочей силой? Да все просто: если своим платить мало, то они тоже станут дешевой рабочей силой. А если закрыть рынок, то конкурировать станет некому, только друг с другом. И дальше Россию охватил тот же самый процесс, что и другие страны.

Здесь первой жертвой новой политики стала столица Москва. Началось все с больших госкомпаний, вроде того же «РосАтома», которые по факту рулили экономикой. Они начали выводить головные офисы и институты из городов и размещать их в новых местах, строя свои собственные города. Закон, ими же продавленный, давал возможность охранять правопорядок в пределах частной собственности частными же службами безопасности. Так возникли те самые «частники», куда я хотел идти работать после службы, да не смог. Частные города, частная полиция, закрытая система, «чистая публика». Вот там и оседал офисный планктон, менеджмент, но заодно и специалисты. Высокие технологии ушли из федеральных городов, оставив там максимум вагонные заводы. Да и инженеры с менеджментом на них больше вахтами работали, как в колониях. Частные города колонизировали федеральные.

Разница была во всем, от зарплат и до... да до всего, сказал же. В частных и в ЗАТО даже ездили давно на автомобилях. А вот за периметрами этих городов и прилегающих территорий станции зарядки батарей уже исчезали. То есть живешь в хорошем месте – вот и дальше живи, не хрен ездить по просторам.

ЗАТО из этого противостояния чуть выбивались, равно как и армия. Армия размещалась по факту в своих городах, на больших базах, практически не пересекаясь с гражданскими, в ЗАТО размещалась все больше оборонка и всякий «АтомМаш», куда ходу лишним не было. Да и не о них речь сейчас.

Почему жертвой пала Москва? Все очень просто: местные «элиты» ее покидали, вместо них туда стремились элиты национальные. Чем больше их приезжало, тем больше оттуда уезжало тех, кому это не нравилось. И главное – из столицы уходили деньги главных игроков. Инфраструктура быстро ветшала, люди менялись, столица быстро начала превращаться в трущобу. Потом ее покинули правительство и парламент, съехав в новый город на берегу озера Валдай. Национальные элиты следом не пригласили, не сочли нужным, а новую столицу объявили ЗАТО, типа чтобы работать в тишине.

МВД сократилось до одной милиции, милиции остались федеральные города с бедным населением. Но и особый контроль отсутствовал, от отторгнутых элитами ментов этим вроде как откупались. Уровень коррупции в федеральных сразу начал зашкаливать, следом за коррупцией рванула вверх преступность. Преступность организованная местами начала подменять собой милицию, подавляя преступность неорганизованную. Менты рядовые зарабаты-

вали на земле, начальство крышевало всех подряд и не знало, с кого и за что еще можно что взять. Про милицию мой прототип знал в силу занятий куда больше, чем о других материях.

Дальше так и шло. В одной стране образовались метрополия и колония. Для одних делались дорогие электромобили, для других – простенькие «Лады» и «Москвичи» на газу. Одни жили в новых зеленых оазисах, в хороших домах и ходили в дорогие клубы, другие жили в разваливающимися хрущобах или в домах вроде моего и посещали пивные-стекляшки. Одни шили дорогую одежду для других и дешевую для себя.

Остальной мир же снабжал «золотой миллиард», включая в данном случае и Россию, максимум сырьем. Массовой миграции не было, границы контролировались даже не пограничниками, а армией, и та же армия воевала в любом месте, в котором что-то начинало мешать жить так, как живется. Сочли афганский героин угрозой, и тут же армия взялась за это всерьез, уничтожая торговцев и производителей в той стране и вытравливая химией все подряд. Так же вели себя американцы, европейцы и все, кто еще мог себе это позволить.

Однако совсем без иностранной рабочей силы обходиться не получалось, поэтому на Дальнем Востоке работали китайцы, в страну все же приезжали таджики, безработный Северный Кавказ перемещался к центральным городам и селился настоящими гетто, называемыми стандартно Муслимками. В Муслимках образовывались свои банды, банды начинали претендовать на что-то за пределами гетто, но за пределами были банды другие, вроде нашей, так что дальше началась эпоха гангстерских войн, которая пока так и не закончилась.

Опять же, несмотря на военный контроль границ, для контрабанды они были дырявы насквозь. В страну шло оружие, наркота и много что еще, потому что те же китайцы продавали это все ну очень дешево. Армии на все не хватало, милиция была коррумпирована и в контрабанде просто участвовала. А властям из ЗАТО и частных городов было, в сущности, наплевать на преступность в федеральных, равно как и на наркоманию, потому что от федералов требовалось одно – поставлять товар в метрополию. Все. Пока товар и услуги идут – все в порядке.

Вот так все понятно и просто разложилось у меня в голове. Без всяких мозговых спазмов и боли в глазах. Правда, уверенности в завтрашнем дне у меня от понимания не прибавилось, потому что простейший анализ показал, что в такой ситуации я как белка в колесе, могу пищать, но бежать придется.

Так, что я с утра хотел? Поехать на точку входа как можно быстрее. Можно там нарваться на кого-нибудь? Милиция еще вчера свалила наверняка, в Гадюжнике надолго никто не останется. Соплеменники убитых? Сомнительно, чего им теперь-то там ждать? Не должно быть никого. Только и самому бы там как-то не очень маячить... и как это сделать? Пешком дойти? А машину при возвращении я в каком виде обнаружу? Это же Гадюжник, да и в Южном оставлять без присмотра ее точно не стоит: или угонят, или разберут в момент. Так что ехать придется. И да, тянуть точно нельзя, потому что не верится мне в то, что я неделю спокойно пролежу. Потому что убитые были ребята Вахи, а он в курсе, с кем встреча намечалась, так что... скоро с этим разбираться придется однозначно.

Ладно, тогда и время терять не следует. Кофе – и вперед.

Кофе выпил с какими-то пирожными из пакетика, называвшимися «сливочные» и по вкусу напоминавшими американские «твинки» с кремом, да и по виду тоже. Химия химией, ну да ладно, выбор все равно невелик. Потом обшарил шкаф прототипа, нашел в нем черную тонкую вязаную шапочку вроде подшлемника – то, что и нужно, повязку совсем прикроет.

За окном осень в полный рост, дождь с утра, на градуснике за стеклом плюс восемь. Да, уже не май месяц. Оделся так, чтобы, по моим прикидкам, куда угодно в этом было можно. Ствол брать? Вообще-то надо, знаю ведь, куда еду. Только мы его вот так...

Быстро разобрав китайский «сиг» на столе, протер патроны и все детали от отпечатков, затем собрал в перчатках. Пусть так будет, оно чуть-чуть спокойней. Сунул в ремень-кобуру,

застегнул куртку поверх. До шести лет за такое, но если ствол чистый, то... договариваются. Такса обычно в десятку. Такие вот у меня тоже знания имеются.

Странное ощущение возникает, пока едешь – все вокруг вроде и незнакомое, разгляды-ваешь во все глаза и одновременно с этим все знаешь. Сам вытаращишься на что-то, и сам же себе объяснишь, что это. И нет каких-то голосов в голове или чего подобного, просто знание, как подписать к картинке, образуется.

«Новые микрорайоны» – часть старого района Коптево. И вот мы, то есть Большой, я и еще шесть человек, числимся среди «коптевских». Вообще, «коптевских» больше, старшие по району с десятков бригад могут собрать, человек семьдесят, но собираются так редко, на памяти моего прототипа всего один раз такое было, на большой разборке как раз с Муслимкой. У каждой бригады свои дела, так что пока в общак заносишь и по зову старших куда надо подтягиваешься в случае проблем – живешь как хочешь, лишь бы не беспределил.

Поэтому, кстати, вся жизнь больше *на раёне* и проходит, в центр уже не так часто наши выбираются. А тут и менты прихвачены, и коммерсанты прикручены, и многое бесплатно, и от уличной гопоты уважение. Ты для них как образец для карьерного продвижения.

Вот авторынок – один из серьезных источников дохода для «коптевских». Он такой на весь город один, при нем ГАИ и комиссия. У входа на авторынок обратил внимание на пару машин – «Тайгу» и «двадцать вторую» с темными стеклами, возле них трое мужиков стоят, трут о чем-то – и сразу тех узнал. Слесаря бригада, на рынке все лохотроны под ними и еще лотерея ежедневная. Про лотерею тоже вспомнилось – они барабан для розыгрыша заказали мастеру, который фокусникам цирковым оборудование делает. Так что шары из него цепляются самые случайные, просто выкатываются в лоток, какие надо. И поэтому каждый комплект стерео, который «разыгрывается ежедневно», стоит на этом розыгрыше по месяцу, все победители строго свои. Но лох не мамонт, лох не вымрет, народ на лохотронах играл и дальше будет играть.

Рядом с рынком шашлычные какие-то, кафешки, магазины запчастей и все такое, шиномонтаж и мойка. А, точно, это мойка Халила и есть, я как раз сюда собирался.

Дальше район пятиэтажек, панелек, но не таких, как в Южном, а куда новей. Лужи, грязноватенько, нолюдно, и место явно жилое. Магазины открыты, народ с сумками топает, на перекрестке ментовской «УАЗ» стоит, вон улица перекопана, мужики в грязных оранжевых жилетах поверх курток вокруг ямы курят.

На перекрестке свернул на Есенина, она тут на районе вроде как главная улица. От нее в центр трамвай идет, у круга застекленные остановки, правда, стекла побиты. Дальше автовокзал, возле него площадь, а на площади чего только нет, от игровых залов до рюмочных, тут же какие-то ресторанчики, дальше, явно в здании бывшего кинотеатра, ночной клуб «Галактика», но он сейчас закрыт. Да, точно, тут самый пульс районной жизни бьется. А вон здание в конце короткой Школьной – это уже РУВД, и там же рядом районная администрация.

Коптево от остального города вроде как отделено двумя реками, Волгой с юга и Рошинкой с востока, так что выбираться от нас в город только по мостам. Можно на Новый свернуть, а можно чуть дальше проехать, там Рошинку пересечь и уже Волгу по Вокзальному мосту, но далековато, мне сейчас на место надо быстрее. Так что поехал, как ехал сюда, по Новомостной, приглядывая за тем, чтобы колесо не оставить в выбоинах у рельсов трамвайных.

Машин стало больше, на ветровое стекло кроме дождя еще и грязь полетела. Тут и вправду, мой машины, не мой, а грязные все по крышу. На съезде с моста увидел стоящих возле своей «Волги» гаишников, но тут сразу понятно, кого ловят – тех, кто по трамвайным путям чешет. Привычный подсказчик сообщил, что место у них тут хлебным считается. И действительно, у водилы старенькой «семнадцатой» толстый гаишник проверял документы, а второй, молодой и тощий, останавливал следующую машину, фургончик «Газель». Только вместо полосатой палочки у него был знак «стоп» на ручке, что уже непривычно.

На меня они внимания не обратили. Я проскочил мимо, скинул скорость, проезжая мимо трамвайной остановки, чтобы людей не обрызгать, выслушал чье-то нетерпеливое бибиканье в спину, но проигнорировал и поехал дальше до упора, до Восьмого Марта.

В общем, примерно через полчаса я свернул в Гадюжник, стараясь придерживаться главной улицы. Когда-то она называлась Осенней, но все таблички давно были сорваны, обитатели Гадюжника никому не хотели облегчать процесс ориентирования на местности. Показались первые кучки барыг у подъездов, сами торговцы, пацаны-«бегунки», машины торговцев, машины покупателей и все прочие атрибуты района, существующего за счет продажи дури. Теми таблеточками, кстати, тут не торгуют, они уже для клубов. Просто встречу здесь назначили. Тут – сплошные амфетамины местной и китайской выделки. Был раньше «хмурый» из Афганистана, но сейчас с ним проблема, там все посевы мака вытравили к черту. Травой же больше по рынкам торгуют, она относительно невинным развлечением считается. Но и тут можно купить, если очень надо.

Перебои с «хмурым», к слову, стали проблемой для Муслимки, канал держали они и всю торговлю контролировали. Поэтому и пытаются лезть в новые рынки, а то доходы упали, одна трава у них осталась, но на ней много бабла не поднимешь. Китайские же амфетамины и курительные смеси в город везет «Вагонка», группировка с северо-востока города, а про их торговлю ходят слухи, что ее крышует сам начальник ГУВД.

Еще есть рынок таблеток, которые медицинского происхождения и как-то умудряются уходить налево из аптечных складов и самих аптек. Аптеки в городе, к слову, всего двум сетям принадлежат, одна на жену начальника горздрава зарегистрирована, вторая сеть всероссийская, «Семейная аптека», а вот ей владеет то ли брат, то ли дядя главы Южного федерального округа Магомедова. В ЗАТО и частные города «Семейную аптеку» не пускают, а по федеральным она везде. И у нас она в контакте с Муслимкой, понятное дело.

Дальше Осенняя опустела, барыги все же предпочитают к Восьмого Марта ближе кучковаться, дальше клиент ходить не любит, а тут уже если кто и живет, тот совсем невнятными делами занят.

Вон и дом. Вон и место. Кровь с асфальта дождем смыло, но все же до сих пор какие-то пятна видны. Машин нет, гильз нет, ничего нет. Пусто вокруг. Чуть прижался к тому самому подъезду, из которого я явился, подобный хрен знает чему, но очень неожиданному, остановил машину, заглушил.

Тут вокруг тихо, только мелкие капли по жестяной крыше «Тайги» барабанят. Достал пистолет из подлокотника, воткнул в ремень-кобуру. Тут с голыми руками ходить не надо. Выбрался из машины, огляделся.

Тихо?

Опа, а это кто у нас?

Из соседнего по отношению к нужному подъезда вышли два вчерашних гопенка с планшетами. Остановились, глядя на меня выжидательно. Опять заработать рассчитывают или что?

– Здоров, бойцы, – махнул я рукой. – Дело есть.

– На сколько? – сразу спросил белобрысый, который у них явно за главного в дуэте.

– Денег или времени?

– Денег, дурак, што ли? Времени у нас как говна, – солидно ответил тот.

– Вот и хорошо. – Я полез во внутренний карман куртки, вытащил оттуда нетолстую пачку денег, сложенную пополам. – Держи для вступления, – дал каждому по пятерке.

– Чё делать надо?

– Расскажи, кто обычно в этом доме шляется.

Белобрысый чуток вопросу удивился, но все же ответил:

– Мы бываем. Еще пара пацанов.

– Фишка, что ли? – И, увидев непонимание в глазах, поправился: – На стреме стоите?

– Да не важно, – вполне по-взрослому ответил мой собеседник, из чего я сделал вывод, что угадал. И планшеты не зря в руках, они наверняка с симками. Надо еще и на вай-фай место проверить, наверняка тут левый стоит. Случись кому не надо появиться, с этих планшетов сигнал и уйдет.

– Мне тоже не важно. Ты вот что скажи: по дому много народу шастает?

– Не, – белобрысый мотнул головой. – Тут делать не хрен. Только мы и бываем. А чё надо? – спросил он, понимая, что расспросы не просто так.

– В подвал не лезят?

– Не, тут весь дом пустой, на фига подвал?

Все верно. В таких домах они стены между подъездами пробивают, чтобы смыться можно было при надобности, это я знаю. Да и не цель ни для кого двое малолеток.

– Машину можешь пять минут покараулить? Вернусь и еще по чирику подкину. Как?

– Без базара, – важно сказал белобрысый и пощупал что-то у себя под длинной, испачканной в побелке курткой.

– Ты со стволом, что ли, боец? – насторожился я.

– А чё? Зато машину твою сбережем.

– Ты ствол с холодного вчера взял? – Я чуть пригнулся, стараясь заглянуть ему в глаза.

– Ну и чё?

– Ствол стреляный, палево чистое, ты думай иногда.

– Да, блин, мужик, ты вообще. – Пацан чуть не заржал. – На Гадюжнике всем покласть, а я малолетка. Скажу, что нашел сброшенный, ничё не пришьют. Автомат отдали вчера, а пестики поныкали, все нормально.

– Блин, ты даешь, – вздохнул я. – Ты так прикидывай, что с Муслимки с вопросами могут приехать, понял? А как интересоваться будут, сам понимать должен.

– А я чё, знаю чё? – вполне натурально изобразил удивление белобрысый. – Меня тут вообще не было. А стволы сброшены были аж на Садовой, и чё теперь?

– Ты стрелять хоть умеешь, оратор? Или яйца себе отстрелишь?

– Умею, тут все умеют! – гордо заявил он, но тут я ему совсем не поверил.

– Ствол без умения – он вроде хрена резинового, в жопу тебе сунут, понял? – Я чуть не ткнул ему пальцем в нос.

Что мне, перевоспитывать пацанят из трущоб? Да хрен что получится из такой идеи, они за червонец уже трупы прятать помогают, а о превратностях жизни знает каждый, как десять взрослых. Тогда проще правда научить их пользоваться, все равно же не отдадут, а отбирать... мне эта парочка в друзьях нужна.

– Значит, ты просто за машиной присмотри, а выйду – покажу, как пользоваться, поняли? – тут я уже обоим в глаза глянул, а они синхронно кивнули. Обрадовались явно.

Уже знакомый подъезд, дерьмо перед дверью в подвал, сама дверь, фонарик... ну да, со вчера не изменилось ничего. И место по-прежнему активное, проход тут все же есть. Одно-сторонний. Пока. Как сделать двусторонним? В теории понятно как, только теория пока шаткая, надо еще понимать, куда она дальше поведет, если я на злодейство все же решусь. Уоррен Блэйк был прав в одном – всегда есть такие люди, которых не просто не жалко убить, а просто нужно так поступать с ними. Всегда. Тут я уже таких вижу много дальше по улице, а наведи справки поконкретней – найду подходящую кандидатуру с гарантией. Но вот куда «дверь» в таком случае откроется... понимания пока нет.

Темно, совсем темно, дальше по подвалу закоулки. Пыль на полу старая, следы только мои. Даже крысиных нет, тут крысам жрать нечего, как я думаю.

Да, подвал как подвал. Вещи свои тут спрятать? Нет, с этим не получится, я думаю, если пол не долбить, тут прятать негде, только пол да стены, ну и труба в сетке. Распилить трубу?

Хм... тут подумать надо, не уверен, что идея хорошая. Лучше бы в доме поискать место подходящее.

Ладно, покрутился, посмотрел, пора с новыми союзниками поговорить, за дела наши перетереть по всем понятиям. По малолетке – они как раз самые понятия, там одних мастей двадцать восемь... блин, а это-то откуда?

Пацаны стояли на крыльце под козырьком, продолжая играть во что-то на своих планшетах. Машину никто не трогал, посторонних вокруг не было.

– Тихо?

– Тихо, – солидно кивнул белобрысый и, не удержавшись, прикоснулся через куртку к рукоятке заправленного за пояс пистолета. Так, кстати, опытные полицейские или там менты вооруженных вычисляют. Если человек постоянно оружие не носит, то, нацепив на себя, время от времени его ощупывает, вроде как старается убедиться в том, что оно на месте. Или там не развернулось неправильно. Так и палятся.

– В квартирах тут чего?

– Ты тут чего сделать хочешь? – спросил пацан. – Если лабу поставить, то не надо, Крюкины пацаны найдут и разнесут. С дурью дальше по улице, тут это не любят, мешает.

Покопавшись в памяти, я обнаружил, что понятия не имею, кто такой Крюка. Такое погоняло на местном криминальном небосводе не светилося, а изучаю я этот небосвод уже двенадцать лет, почти всех знаю если и не лично, то по делам, а обычно и в лицо.

– Нет, лабу мне не надо. Да не важно.

Прятать тут что-то все же не очень разумно, те же пацаны полезут из любопытства. Закопать за помойкой в правильной упаковке проще. А тут...

– Слышь, бойцы, вас как звать?

– Свисток, – солидно представился белобрысый. – Саня.

– Амир, – скромно сказал чернявый.

– Вы вот что, Амир и Саня, – я полез в карман и снова выудил пачку денег, – по сотке в месяц получать от меня хотите?

– Ясен хрен, хотим! – Свисток чуть не подскочил. – Чё делать надо?

– Дверь в подвал знаешь в этом подъезде? – Я показал пальцем.

– Ну.

– Надо следить, чтобы она всегда закрыта была. И все. Но я буду приезжать неожиданно и проверять. Если открыта – хрен, а не лавэ, если закрыта – твое законное.

– А чё, если ты сам откроешь и скажешь, что так и было? – усомнился Свисток.

– А ты увидишь. Я порожняки не гоняю, даже перед фуцанами.

– Сам ты фуцан, понял! – Саня явно хотел даже за ствол схватиться, но все же зассал.

– А я не говорю, что фуцан ты, – засмеялся я. – Я говорю, что даже перед ними не гоняю.

Короче, договорились мы или нет?

– Договорились, – снова кивнули они хором, после чего уже Амир спросил: – А по каким дням лаврики отдавать будешь? Мы же не все время здесь.

– Календарь есть? Первая суббота каждого месяца. Если в субботу днем меня не было, то в понедельник ждите.

Саня солидно потрянул планшетом:

– Тут все есть, помечу себе.

– Пометь, – кивнул я с уважением. – Найди время в расписании. Пойдем с глаз долой в дом, покажу вам, хоть как пользоваться трофеями вашими. Но чтобы без беспредела, поняли? Если чё не так – сам вас тут найду и почикаю.

А что еще остается?

Пацаны и есть пацаны, понеслись вперед меня в пустую квартиру с выломанной дверью. Там уже достали спрятанные под куртками стволы. У Амира оказался «сиг», он его подобрал

возле того убитого, что был с пистолетом, а вот у Свистка нашелся «ТТ». Тоже китайский, с необычной ручкой, типа эргономики прибавили старой модели. Пластик тоже такой поганый, аж скрипит в ладони.

К счастью, китайцы «тэтэшнику» предохранитель добавили, чуть лучше с безопасностью стало, но все же решил учить пацанов носить стволы без патрона в патроннике. Ну его на хрен, а то играть начнут, да и грохнут друг друга. В идеале бы пинков надавать и стволы отобрать, но... поздно уже у них все это отбирать на самом деле. А так они уже номер моей машины знают, пособачься я с ними – так они меня еще и Муслимке сдадут, типа «этот ваших завалил».

– Короче, я вас пока научил всегда проверять, что в волыне патронов нет. Тренироваться сами будете – ни в кого не целиться, ни друг в друга, ни в кого еще. Никогда, поняли? Всегда может оказаться, что патрон ты все же в стволе забыл. И опять, как я учил, вытащил и затвор всей ладонью назад, понятно? Только ладонью. Все. Через месяц увидимся и тогда экзамен приму. И дальше научу чему-нить. Ну, поехал я.

Стоило сесть в машину – пришло сообщение от некоего Поляка с просьбой о встрече «где обычно». Поляк, Поляк... Поляков фамилия, я его еще по службе знаю, он тогда в службе тыла был и тоже до конца не дотянул, погорел на чем-то, причем не крупном, я помню. Ну да, на китайской контрабанде, что-то он с ней мухлевал. Знакомы мы были мало, но потом, когда и меня со службы попросили посредством ноги, встретил его здесь, оказались земляками.

Для федерального города Поляк устроился неплохо, каким-то менеджером вроде товарного кассира на железную дорогу. То есть он точно знал, в каком вагоне какой груз и куда он идет. Время от времени давал наводки на что-то, что продать легко, за что получал двадцать пять процентов с навара, честный «угол» наводчика. И с его же помощью шли к нам грузы китайских стволов и патронов, но тут мы товар уже у него выкупали, в долю он не шел.

Дело он имел только со мной, с остальными из осторожности общаться избегал. Если просит встречи, то, значит, груз какой-то ценный приметил, по телефону или даже почтой мы такое не обсуждаем. И что мне теперь? Встречаться и грабить идти? Или сказать, что «не могу»? Соблазн, так сказать, есть, но вот последствия могут быть, пожалуй... Нет, терять авторитет мне нельзя, даже если я вместо прототипа завязать решу. О чем, к слову, следует начинать думать. Ресторан открыть какой-то, или что? Ладно, потом об этом.

Оттекстил в ответ: «Могу быть через 30 минут». «Буду» пришло в ответ почти сразу.

Где обычно, где обычно... а это в кафе «Луна», неподалеку от вокзала, мы обычно там видимся. Сам Поляк живет на Вагонке, на востоке города, на Коптево ездить не слишком любит. Хотя с Вагонкой мы не враждуем, скорей даже в союзе. Раньше были проблемы, но потом пошли напроги с Муслимкой и против них вроде бы объединились.

Тогда мне в центр сейчас, времени как раз доехать.

Надеюсь, что я правильно с этими двумя малолетками поступил. Страшно их так со стволами оставлять, ума-то по возрасту нет еще... Хотя у таких уличных его и в десять лет подчас больше, чем у иного взрослого. Надо было оружие тогда самому собрать и скинуть на Помойке, но не до того было, просто не сообразил. И не привык я к тому, что малолетняя шпана места преступления мародерит. Что хоть там до полиции, кроме трупов, долежало? Не думаю, что много. Кстати, спросить надо, машина кавказцев до милиции достояла или ушла куда-нибудь в недра Гадюжника? Что-то мне кажется, что именно второй ответ верный. Уже раздербанили где-то на запчасти, а кузов с вырезанными номерами ржавеет в каком-нибудь тупике.

Через Вокзальный мост поеду, так удобней сейчас. По Восьмого Марта до конца, до рыночной площади, где возвышается уродливое трехэтажное здание на входе на колхозный рынок. Тут движения много, потому что ворота для тех, кто с товаром, бестолково придумали, почти рядом с главным входом. Внешняя стена рынка сплошняком разнокалиберными киос-

ками застроена, там и ремонт обуви, и аптечный киоск от той же «Семейной аптеки», и металлоремонт, и все, что хочешь.

Рынок под Муслимкой целиком. Там и торговцы только тамошние, на перекупке сидят, и крыша железно кавказская, сразу несколько бригад делят, и «чехи», и «даги», и кабардинцы. Кому выше заносят – всякое говорят, но от диаспоры главный в городе заместитель прокурора Цакаев, но ему все проблемы не порешать, так что он еще куда-то несет. Сам прокурор вроде диаспоре тоже благоволит, но и он не верхняя ступень, это точно.

За рынком площадь, на площади всякое, опять ресторанчики, игровые салоны, как и везде, шашлычная, еще что-то, магазинов полно. Тут тоже все больше под Муслимкой, мимо них сюда никто, разве что менты, а вот в центре может быть один коммерс под «коптевскими», например, рядом под «дагами», следующий под Вагонкой, потом под «чехами», потом, например, под «чистопрудненскими», это поселок-пригород. От этого конфликты, раньше много было, теперь поменьше, научились за мелочи глотки друг другу не рвать.

Помимо группировок «с раёнов» есть и «профессиональные». Сутенеры те же в центре, они вроде как под ментами, но ментам просто платят, а так гасят всех, кто в их дела лезть пытается. Кто их только прикрутить не пробовал, но толку никакого. Ну и менты вмешиваются, понятное дело. И те же барыги с Гадюжника. Они в чужие дела вроде не лезут, но и к ним соваться откровенно боятся, потому что башни у них нет, просто валят. А сам их бизнес многого не стоит, группировкам проще самим на опте сидеть, чем пытаться их углы и грязные подъезды отжимать. Да и нужны они, все равно весь товар к ним спускается.

Внутренний голос подсказал, что если завязывать, то в качестве бизнеса можно сауну с девками открыть, есть где помещение взять и все остальное, обычно это прибыльное предприятие, но я, настоящий, усомнился в том, что Настя подобное начинание одобрит. Да и сам восторга не испытал.

После района Центрального рынка потянулись опять панельки, потом квартал Старый Горсад, как называли местный парк, выходящий к Волге. Раньше место было популярным для отдыха, сейчас он совсем запущенный стал, в темноте люди даже близко ходить боятся, ну и дурью там торгуют, вроде как конкуренцию Гадюжнику составить хотят. Но опять же слышал, что его под снос планируют, а место под торговый центр и вроде как «элитную» застройку. Мы хоть город и федеральный, но есть и тут народ, который по бабкам неплохо поднимается. В направлении Энергетика дома строятся неслабые, считай, что усадьбы.

Большой перекресток, поворот на Вокзальный мост. Он тоже с трамваями, но сам шире, и асфальт не такой разбитый, потому что дальше Центральная площадь и там здание горадминистрации. Поэтому тут чинят чаще.

Здание новое, белое с зелеными стеклами, перед ним чистенький сквер и фонтан, который сейчас не работает. У входа в рядок черные казенные «Волги» вытянулись, чуть дальше парковка для сотрудников. От Центральной площади в обе стороны тянется Первомайская набережная, она в городе вроде как одна из самых центральных улиц. Магазины, какие подороже, лучшие рестораны, да и вообще убрано и чисто. Внизу, под ней, летом еще и пляжи. Берега у Волги в этом месте хорошие, песчаные, так что народу там обычно полно в сезон. А если поехать по набережной налево, почти до конца, то там по вечерам проститутками все забито. Точней, на улице-то «поплавки» стоят, «мамки», а сами девки во дворах в «бусиках» сидят. Фургоны «Газель» у нас за самую сутенерскую машину теперь. «Бусики». Кстати, слово «бусик» уже местное, это мне от прототипа пришло. У нас так не называли.

За Первомайской, параллельно ей, идет Московский проспект, вот он как раз и есть самый Бродвей в городе. То же, что и на набережной, но всего в два раза больше. Застройка еще сталинская, дома с хорошим ремонтом. Дворы на замке, а квартиры тут дорогие, чистый район считается, самый чистый в городе. В старую застройку пара новых домов воткнута, еще

пара строится, на заборах объявления о продаже квартир. Для нашего города дорого. Если для частного такая сумма – это плюнуть и растереть, но тут у людей денег мало.

Вокзал уже за центром, к северу. Он как бы замыкает центральный район, ограничивает его линией железки, а дальше идут сплошные промзоны, та же товарная станция, к востоку отсюда большой вагонный завод, какой треть вагонов в стране производит, к нему как раз район Вагонка прилегает, за Вагонкой уже ПГТ «Солнечный», в просторечии именуемый «Синим» за преимущественно алкоголическое население. Но нам в нем делать нечего, а «вагонковские» держат там всю торговлю «синькой» как основным потребляемым продуктом.

Вот вокзал. Вокзал после войны построен, старый немцы разбомбили в крошку. Такой сталинский ампи́р классический, только сам вокзал и не разглядишь толком за всякими ларьками и растянутой по фасадам рекламой. Тут всегда толпа, народ из деревень в город на работу электричками ездит, перед самым вокзалом вещевой рынок, шумный и грязноватый. Этот район под ментами полностью, от и до. Если ты не мент и решил тут под своей крышей дело вести – или сам отстегивай, или жди больших проблем. Подъедут в масках, уложат харей в землю, отвезут в ОББ, потом с пару месяцев будешь кровью ходить. Это – их, сюда даже не лезь. Рынок лично под начальником ГУВД, вся торговля на вокзале курируется ОББ, то есть отделом по борьбе с бандитизмом, ну и вся территория в Привокзальном районе поделена между разными частями вроде бы единого ментовского организма.

На востоке Привокзального есть Сиреневый бульвар, а на Сиреновом бульваре есть кафе «Луна», в котором у меня встреча. Перед ним парковка удобная, само место тихое. Подъехал, встал, не забыв перекинуть ствол из-под куртки в подлокотник, нечего с ним шлаться, выбрался под мелкий дождь и холодный ветер и пошел в кафе.

В самом кафе было тепло, пахло кофе и выпечкой. Поляка я узнал не сразу, «картотека» работала в режиме поиска, но он махнул мне рукой, заметив, как я встал у входа. Подошел к его столику у окна, пожал руку, сел напротив.

– Здоров.

– Привет. Будешь что?

Опять подсыпало знаний. В «Луне» основным было кофе и выпечка, но можно и поесть прилично. Интерьер, кстати, небогатый, но стильный, смесь светлой штукатурки и темной декоративной плитки под кирпич. Выпечка в стеклянных витринах разложена, в зале две девочки-официантки работают.

– Дай подумать... да как обычно. – Мне напомнило, что прототип обычно заказывал латте и трубочку с кремом. Сладстена был, выходит, девки ему тоже кучу сладкого наташили. В этом мы с ним отличаемся. Мы вообще много чем отличаемся.

Сам Поляк оказался невысоким, светловолосым, моего возраста, то есть к сороковнику. Одет в свитер с горлом, на спинке стула кожаная куртка висит. Волосы мокрые, значит, без шапки ходит.

– Ты чего в шапке? – спросил он меня.

– Башкой шарахнулся в подвале. – Я чуть приподнял край вязаного «боба». – Неохота бинтом светить, как раненому герою.

Подошла официантка, Поляк заказал «обычное» для меня и для себя попросил горячие бутерброды с сыром и ветчиной и большую кружку чаю.

– Какие новости? – спросил уже я. – По основным делам нашим когда что-то ожидается? Это мне *знание* напомнило.

– Через месяц, не раньше. На Дальке проверки идут, все тихо сидят. Извини, по-другому никак.

– Да я понимаю.

– Слушай, я вот о чем поговорить хотел... я тебе про племянника рассказывал, так?

– Ну да.

Что там было? Ага, Поляк пацану денег на бизнес давал, тот магазин открывал или что-то такое. Специально не обсуждали.

– У него проблема, на бабки попал. Взял там что-то на реализацию, просрал, теперь его грузят.

– Много?

– Говорит, что просрал две тысячи, но грузят уже на шесть. Машину забрали.

– Переоформили?

– Нет, типа в залог. Мол, вернет бабки, отдадут машину.

– Кто грузит?

– Вот в том и дело, что какая-то мутная братва с Восьмого Марта, как я понимаю. Так, пацаны решили стать бандитами, похоже.

– Это как раз плохо, – поморщился я.

– Поэтому и поговорить хочу, – согласно кивнул Поляк. – Я думаю, что они тачку отдавать не собираются. Поняли, что лоха грузят, поэтому ждут с бабками, а потом его просто завалят. Шесть штук и новая «двадцатка», – назвал он популярный среди мелких торговцев универсал «Лада».

– Считаю, что приподнялись пацаны.

Вообще, такие никому не известные бригады «с раёнов» – они самые опасные. Правил не знают, ни с кем не сотрудничают, ума обычно нет. Максимальная перспектива для таких подняться до мокрушников, работая на большую группировку. Обычно они или сами быстро завязывают, если ума хватает, или просто долго не живут. И еще они фильмы про бандитов смотрят и из этого свою тактику придумывают. В свое время старшего Вагонки такие сопляки завалили, типа «гангстерскую войну» начали. Их потом самих кого кончили, а кого на этапах насмерть забили. Но авторитета Шила уже не стало, изрешетили в его же машине вместе с еще одним «вагонковским». Впрочем, никто не плакал.

– На когда они договорились?

– Завтра в двенадцать он должен бабки привезти на Восьмого Марта.

– Пусть на связи сегодня будет. И ты. Съездим с ним, не вопрос. А чего он к мусорам не пошел?

Племянник Поляка, как и сам Поляк, просто коммерсы, для них никакого косяка в этом нет. И менты голимых вымогателей не любят, берут по-жесткому, и потом проблема обычно на этом заканчивается. У мусорской коррупции тоже некие пределы есть, они тоже по своим понятиям живут. Правда, вот если бы племянника грузили те же «чехи», а пришел бы он с заявой в РУВД «Центральный рынок»... тогда все получилось бы хуже. Но люди здесь такие вещи с рождения учат в большинстве своем. А когда шпана беспрделит, любые менты легко впишутся.

– Он ко мне пошел, а я не хочу никаких контактов с ментами, не надо мне лишнего внимания.

– Понятно.

Это логично, в принципе. Все же он хоть и служащий РЖД, но дела крутит темные, лучше лишний раз в поле зрения не попадать. И Поляк с нами работает, так что по его делам впрягаемся без разговоров. И сейчас придется. Тем более что в своих предположениях он прав – шпана или попытается племянника прикрутить, то есть стать его крышей, но это маловероятно, веса у них нет, от таких крыш только проблемы, или, что вероятней, просто его вальнуть. Там же, в промзоне, где и машина стоит, наверное. А потом тело на Помойку и бомжам водки. Доверенность на переоформление только выписать заставят, левую им взять неоткуда наверняка.

– Займемся, все нормально будет. Какие еще новости?

– Со складов на шестом тупике некое ООО «Варта» сигаретами за наличку торгует. Из Краснодара везут. Бабки прямо там принимают, торгуют много.

– А кто они?

– Под «дагами». В офисе охрана, касса серьезная, но как наличку вывозят, никто не знает, инкассация туда не приезжает. Скорей всего, каждый вечер везут сколько набралось.

– А товар всегда или когда как?

– Не всегда. Цена хорошая, продают быстро. Ждут следующую партию.

– Они просто под «дагами» коммерсы или тупо на «дагов» работают? – насторожился прототип у меня в голове.

Разница в этом есть. Если «под», то они сами по себе, лишь отстегивают долю. А если «на», то деньги в обороте бандитские, а на зарплате или скромной доле сидят уже продавцы. И для «дагов» это *свое*.

– Не знаю. Все может быть. Я стараюсь внимание не демонстрировать, сам понимаешь. Вот тут нарисовал какой склад, дальше сами думайте. – Он вытащил из внутреннего кармана висящей на стуле куртки листок бумаги и придвинул ко мне. – Но помногу продают. Как груз приходит, к ним уже очередь.

– А ты знаешь, когда груз приходит?

– За пару дней, – чуть улыбнулся он.

Ну да. Если сами по себе, то деньги могут просто по-тихому вывозить, типа незаметно. Если на какую-то банду с Муслимки, то те могут сами забирать. В любом случае информация заслуживает внимания.

Посидели, допили, кто чай, кто кофе по-быстрому, потом я собрался и поехал домой, попутно набирая Большого.

– Как здоровье? – спросил он первым делом.

– Лучше. Пришлось с Поляком встретиться, просил.

– Чота толковое?

– И толковое, и поговорить надо, там проблемка у него.

– Лежать бы тебе пока... ладно, заезжай на сервис, я здесь.

Сервис был свой, мы там даже не крыша, а совладельцы, пополам с братом Капрала, братка из нашей бригады. Небольшой, на три подъемника, но делал все: и кузовной, и слесарку, и электрику. Для нас бесплатно, понятное дело. Ну и имелось что-то вроде кабинета в подсобке, который мы как свой «офис» использовали. В офисе стол, на столе компьютер, на котором иногда играли, два длинных дивана из искусственной кожи, на тумбочке кофеварка и чайник. Жили мы все недалеко друг от друга, а до сервиса тоже рукой подать, так что все на дружественной территории.

Располагался сервис в бывшем гараже какого-то ныне закрытого предприятия, за высоким бетонным забором, где хватило места для стоянки как ремонтируемых машин, так и наших, и мастеров. Во дворе столкнулся с Упалычем – старшим мастером.

– Ты машину-то обслуживать собираешься? – тормознул тот меня. – А то договорились, а ты вчера не приехал.

Ну да, только сейчас картотека подсказала.

– Упалыч, извини, башкой вчера ударился, забыл начисто, – показал ему повязку.

– Если не спешишь, то прямо сейчас давай сделаем, там дел-то всего ничего, масло да фильтры.

– Не вопрос. – Я выудил из кармана и отдал ему ключи от «Тайги».

– Через час готово будет.

В «офисе» застал Большого, Сироту и как раз Капрала – среднего роста плечистого парня, словно из тросов свитого, с кулаками, разбитыми до полной неузнаваемости. Был Капрал, он же

Артем Капралов, с детства большим фанатом всякого рукомашества и дрыгоножества и имел привычку применять свои умения прямо с ходу, из-за чего Большой его всегда придерживал от ухода в дурной беспредел. В свое время Артем всерьез выступал в миксфайте, ждали от него больших побед, но травма колена спортивную карьеру прервала, так что осел он на районе и примкнул к Большому, у которого когда-то занимался кикбоксингом.

– Здорова всем, – поприветствовал я присутствующих с порога.

– О, как сам? – подкинулся с дивана Капрал, протягивая руку. – Нормально?

– Да более или менее. – Я стащил куртку, потому что в комнате было жарко. – Поляк меня вызвонил сегодня, пришлось забить на все и ехать.

– Чё у него? – спросил Большой, ставя передо мной кружку, в которой в кипятке плавал пакетик чаю, свесив наружу нитку.

– У него на складах «даги» сигареты за наличку продают. Помногу.

– Сами «даги»?

– Или сами, или кто-то под ними. Но продают, говорит, контейнерами.

– Ну и поехали их хлопнем, – подскочил Капрал.

– Кавалерийским налетом? – искоса глянул на него Большой. – Приглядеться надо. Давай, разведка, займись, – это он уже для меня.

– Займусь. Тут еще проблема есть. – Я изложил историю про поляковского племянника. Все выслушали внимательно, потом Большой спросил:

– За выезд его грузим?

– Не, не по понятиям выходит, он нам по всем затратам отбивается, – возразил я. – Нужный человек.

– Пусть лучше должен будет, – добавил Капрал.

– Согласен. Тогда, Сирота, давай завтра всех наших сюда на десять утра, отсюда поедем.

– Я бы лучше за час сам на Восьмого Марта выдвинулся, – сказал я. – Посижу, посмотрю.

А вы подтягивайтесь следом за клиентом.

В бригаде я, оказывается, за начальника разведки и заодно главного по спецоперациям. Вот так узнаешь про себя много нового.

– Давай так, – согласился Большой. – И племяншку этого сюда бы вызвать, пусть расскажет, чё там и как, чтобы знать.

– Поляка наберу, пусть сюда присылает.

– Тут еще новость. – Большой выдержал паузу. – Ваха на Мартына вышел, сам понимаешь, чего хочет.

Ваха. Мартын. Кто эти люди? Ага, уже знаю. Ваха – старший у тех, кого я завалил в Гадюжнике и которые завалили меня. Мартын – вроде как положенец у нас на районе, за старшего у «коптевских». Ваха пошел в рамках понятий свой «вопрос решать» через разговор, по крайней мере сначала.

– И что Мартын?

– А что Мартын? Мартын сказал, что встречаться надо. У него в «Охотничьем» для начала.

– И когда?

– Сегодня, скорей всего, к вечеру. Хотел тебя набрать, да ты сам.

Странный процесс возникновения непривычных мыслей снова включился, натолкнув на очередной вывод:

– Если в «Охотничьем», то беспредела не ожидается, как я понял?

– Нет, но забиваться бы не стал, сам понимаешь. У «чехов» свои понятия, людскими они пользуются, только когда им надо. А за стол мы платим, получается.

Вот так. И оглянуться не успел, как влип в жизнь своего прототипа по самые уши. Сегодня разборка, завтра разборка, потом еще и этих торговцев сигаретами грабить... как-то

мне это все меньше и меньше нравится. И четкое понимание того, что «я больше не хочу», не скажешь. Вован Бирюков в бригаде уже десять лет, после Большого второй человек, он давно по рельсам живет. Надо как-то очень сильно думать о том, чтобы спрыгнуть с поезда. Сильно-сильно думать.

4

«Охотничий» – ресторан из местных, находится у автовокзала. Первый этаж обычного жилого дома, все достаточно скромно, но у местной братвы популярен. Во-первых, в нем два кабинета есть, можно поговорить, во-вторых, он принадлежит лично Владимиру Мартынову, или Мартыну. Мартын и Погос официально рулят «коптевскими» и могут за них говорить. Мартын крышует весь автовокзал и всю торговлю вокруг него, кроме игровых залов, которые принадлежат Погосу.

Подъехали мы ввосьмером на двух машинах, остальные оставили на сервисе, потому что каждый на своей подкатил. Кроме нас с Большим и Сироты с Капралом подтянулись еще четверо: Труба, Маркел, Серый и Угол. Тоже свои. Трубе под тридцатник, и габаритами он такой, что не в каждую дверь плечами втиснется, Маркел же мелкий и тощий, хоть и жилистый, а по виду так чистый альбинос. Серый толстоват, но силен, румян и круглолиц, стрижен ежиком. Угол худ и мосласт, с костлявым лицом и длинными волосами. Вот, в сущности, и вся бригада.

Ресторан изысками интерьера не поражал, а мне напомнил что-то эдакое еще из советских времен – декоративные решетки, кронштейны с горшками, из которых какие-то растения свисают, столы и стулья простенькие, на стенах репродукции картин на охотничьи или лесные темы. Но кормят здесь вкусно, в этом не откажешь. И не так чтобы дорого. В углу сцена маленькая, на ней инструменты – еще и живая музыка бывает. Но вообще стиль такой, что фраза из «Мимино» вспоминается: «Вон этот чайник идет».

В зале людей было немного, один столик занят четырьмя парнями, которые поднялись навстречу, и пошел процесс взаимных приветствий. Это Мартына народ, тут со старшим и вообще «для массы».

– Мартын ждет, в кабинет заходите, – сказал немолодой мужик с совершенно расплюсченным носом и уродливым шрамом через обе губы, из-за которого он шепелявил.

Рука, которую он протянул для пожатия, была сплошь покрыта партаками, а заодно строением напоминала корягу. Он еще и здоровенный. Это Бобер, он у Мартына за главного решалу. Если с кого денег получить надо, то его первым посылают. Он еще и отмотал лет семнадцать за убийство, и вид такой, что при одном его появлении все готовы отдать все, что есть, лишь бы он ушел.

– Пацаны, вы тогда столик возьмите, а мы с Вованом в кабинет, – сказал Большой.

Ваха со своими должен позже подъехать, нас же Мартын раньше позвал, чтобы вроде как между собой перетереть.

Дверь в кабинет в дальнем углу общего зала обита звукоизоляцией. Говорят, что там пару раз даже мочили кого-то, вынося тело после закрытия, и никто в зале ничего не слышал. Кстати, тут высокие договаривающиеся стороны друг друга стоят, потому что у Вахи есть ресторан «Кавказ», откуда увозили коммерсантов, которых гостеприимный Ваха туда приглашал. Чисто по беспределу, за выкуп. В основном своих, мусульман, они в ментовку не бегали. Но все же доигрался он до того, что в это дело влез ОББ, и многие сели, человек шесть. Ваху подтянуть не сумели, но он вроде бы после этого берега видеть начал.

Сам Мартын – среднего роста сутулый мужик с невзрачным лицом и неожиданно крупными кистями рук, одетый в клетчатый пиджак поверх черной водолазки, – встал навстречу, крепко пожал руки нам обоим, предложил садиться за длинный стол. Кроме Мартына в кабинете оказалось еще двое. Зенич, бывший боксер, который у Мартына и за телохранителя, и за помощника, и за секретаря, и кроме него в кабинете неожиданно оказался Погос – Самвел Погосян, в свое время неоднократно осужденный за мошенничество, а в настоящий момент второй старший в Коптево. Погос росту невысокого, сам весь округлый, лысоват, глаза темные и какие-то печальные, но в его душевность я бы все же верить не стал.

– Садитесь, давай за дело перетрем, – сказал Мартын. – А то Ваха звонит и чуть не предъявляет, а я не в курсе. Сказал ему только, чтобы не пылил, и если хочет нормального разговора, то пусть сюда едет. Кто из вас?

– Давай я. – Большой плюхнулся на диван с высокой спинкой. – Штопора помнишь?

– Ну да. – Мартын сел во главе длинного стола. – Угощайтесь пока.

На столе уже была готова закуска, нарезка всякая, хлеб, стояли бутылки с минералкой, соком и графин водки. Графин полный, водку пока не пил никто.

– Мы три кило таблеток взяли, за долг, там отдавать нечем было больше. Штопор подписался помочь толкнуть кому-то с Муслимки, вроде ребятам Вахи. У них с товаром сейчас не очень, ты знаешь.

– Точно, на подсосе они, – кивнул Погос. – А под Вахой там клуб один коммерс открывает, Ваха в нем таблетки тоннами сдавал бы.

– Ну, вот так примерно. – Большой набросал себе в тарелку всякой мясной нарезки и солений. – Короче, сдавать товар поехали Вован, – кивок в мою сторону, – и Штопор. Дурь и стволы еще, они у нас их берут.

– И чё не так пошло? – спросил Мартын.

– Вов, расскажи, – переадресовал вопрос Большой.

– Все не так пошло, – ответил я. – Они там со Штопором добазарились о чем-то, я думаю. Заранее. Только мы из машины вышли, как Штопор мне в башню стрельнул. – Я сидел без шапки, так что повязка раненого героя видна была хорошо. – Эти три дебила от Вахи тоже пальбу открыли, но попали в Штопора, его на глушняк. Я в подъезд забежать успел, там дом пустой... ну, Гадюжник же. И уже оттуда их вальнул.

– Там лавэ пропали, – сказал Мартын. – Ваха больше за лаврики стойло грызет.

– Лавэ не видел, но мне по-любому не до них было, – хмыкнул я. – Я за товар больше думал и как оттуда свалиться. И кровищи было, как с барана. А до мусоров жмуры сколько там пролежали?

– Ну да, Гадюжник же, – опять кивнул Погос.

– Тачка хоть осталась на месте? – спросил я.

– Не знаю. Поинтересуемся. А чего они тебя валить вдруг решили?

– Знать бы. Подозреваю, что лаврики они и так между собой раскидать решили, и товар взять. А вообще, не знаю, у меня тут логика не совсем вяжется. Если только они и Штопора с самого начала не хотели завалить. Тогда проще: бабки нам отдали, товар у них, а что дальше с бабками – они не в курсе, мы там сами чего-то не поделили.

– Так может быть. Ладно, говорить тогда я буду, а ты разъясняй, если чего.

Успели даже перекусить немного до приезда чеченцев. Водки по-прежнему никто не пил, но и графин не уносили. Это как знак демонстрации того, что к делу всерьез относимся. С Вахой, как нам успели сказать, подъехало человек десять, но в кабинет вошло двое. Сам Ваха – высокий, худой, улыбчивый, с руками как у пианиста, и еще один – крупный, седой, похожий на борца, представившийся Маирбеком.

Началось все дружелюбно, с рукопожатий и заказа еды, при этом что Мартын, что Погос изображали гостеприимных хозяев, а Ваха благодарного гостя. Пока в кабинете был официант, разговор не начинался, и только когда тот вышел, Ваха заговорил:

– Я чисто по-человечески разобраться хочу, – он посмотрел на меня, сразу опознав ключевую фигуру по повязке на голове, – почему моих ребят убили?

– Сам разъясни, – кивнул Мартын.

– Потому что ребята хотели завалить меня. Но не сумели. – Я решил пока в детали не пускаться.

– Им это зачем надо было? Они за товаром поехали.

– А вот этого не знаю.

– Товар у нас по-прежнему, покупайте, – вставил слово Большой. – Сделка состояться не успела.

– Бабки пропали, – сказал Ваха, улыбнувшись. – Немалые.

– С трупа в Гадюжнике что хочешь пропадет, – исподлобья посмотрел на него Мартын. – Только бабки пропали? А тачила? Стволы?

Ваха от ответа ушел, почуяв слабость позиции. Сказал лишь:

– Я вопрос по понятиям решить хочу, без конфликта.

– Так никто и не против, – согласился с ним Мартын. – Какое решение видишь?

– Пусть ваши ребята бабки вернут, и мы при своих.

– А они эти бабки брали?

– Слушай, ребята погибли, у них семьи, родственники, все орут, чтобы им, – кивок в нашу сторону, – головы отрезали. Я сказал, что миром решим. Отдайте бабки, мы там дальше сами разберемся.

– Ваха, давай с предъявами аккуратней, – влез Погос. – Если ты за лавэ свое предъявляешь, то доказывать надо, нет?

– Бабки ушли.

– Ищи, раз ушли, – уже Большой не выдержал. – Со своих спрашивай, которые побес-пределить решили, куда они их дели. С чего они стрелять начали?

– Они начали? – Ваха напрягся. – Завалили кого, их или вас?

– Руки у них кривые.

– Иса как раз со мной на телефоне был, когда его убили. Это что, типа перестрелка такая была?

– Двое других меня в подъезде зажали, ага, – вступил в разговор я. – А Иса начал трубу мацать, набирать кого-то. Выставился. А валил я уже всех подряд, разбираться некогда было.

– Нет, так не договоримся, – картинно вздохнул Ваха.

– Если у нас договор за то, что тебе за беспредел забашлять, – не договоримся, – жестко сказал Мартын. – Разборок лишних никто не хочет, но ты сам прикидывай, кого ты приехал как лохов грузить. Короче, вот тебе наше решение: если хочешь у пацанов товар взять – бери. За мертвых твоих сожалеем, но ты за своими сам следи. Бабки твои не видел никто, так что сам ищи. Все.

У Вахи точно склонность к театральным эффектам. Он положил руки на стол, закрыл глаза, выдохнул, старательно изображая, как он давит в себе гнев, потом снова глаза открыл и сказал:

– Тогда будем считать, что поговорили.

– Так и будем считать, да, – за Мартына ответил Погос. – Ты, Ваха, сюда не договариваться приехал, а предъявлять, причем никакой обосновки не имеешь. Только ты пока авторитетом не дорос нас тут грузить, понял? Так что не получится у нас разговора.

– Значит, не получится. – Ваха резко поднялся, и Маирбек следом за ним. – Увидимся еще, договорим.

Никто в ответ не сказал ни слова, разговор действительно закончен, и в базар его превращать не надо. Нам через открытую дверь было видно, как Ваха со своим спутником быстро прошел через зал, поднял своих бойцов жестом, и вся компания вывалила на улицу. А затем одна за другой отъехали четыре машины.

Появился официант с сервировочным столиком. Все молча дождались, пока он заберет теплую водку и выставит холодную, а заодно добавит к закускам еще несколько блюд. Потом, когда он закрыл дверь, Мартын сказал:

– Проблемы могут быть. Вован, все так и было, как ты сказал? Точно?

– Ну, про Штопора я рассказывать не стал, как видишь, лишнее это. А в остальном все так и было.

– Видел кого-нибудь вокруг? Кто лавэ помыть мог?
– Да кто угодно, пальбу весь Гадюжник видел. Если даже машину угнали, то гомаки общмонали наверняка.
– Да, мусора сказали, что там голяк был, все увели, – добавил Большой.
– Ну пусть тогда по Гадюжнику ищут, – покачал головой Мартын. – Авось найдут что.
Как бы моих новых союзников не попалили, вот что беспокоит. Надо будет еще с ними пообщаться разок, и как можно быстрее. Теперь проще, я Свистку на планшет могу сообщение скинуть, чтобы ждал.

В «Охотничьем» засиделись немного, Мартыну поговорить хотелось, а старшему не откажешь. Потом к нему еще люди подъехали, а мы в зал перешли, другие дела появились. Племянник Поляка сперва ждал нас на сервисе, потом Сирота туда позвонил и сказал, чтобы тот подъехал в ресторан, поговорить и тут можно.

Племянник оказался мелким парнем лет двадцати пяти, одетым в черную кожаную куртку и кепарик вроде того, что я с прототипа подобрал. Звали его Димой. Ничего особо нового не рассказал: взял товар на реализацию, сам сдуру доверил его другим людям, те его прокинули с деньгами, тут от кредиторов шпана подъехала. Сели прямо к нему в машину, перегнали на Восьмого Марта, там его высадили и сказали приезжать с деньгами к остановке напротив дома тридцать четыре. При этом многократно предупредили, чтобы никого с собой не привозил, и особенно ментов, «а то хуже будет». Детский сад, короче.

– А как шесть косых у вас получилось? Долг же две? – спросил Большой.
– Они объявили, типа проценты и за выезд.
– Ну как лоха не догрузить, – хохотнул Капрал.
– Что думаешь? – Большой спросил меня.
– Там живет кто-то из них, я думаю, и остановку из окон видит.
– Да наверняка, – влез Сирота. – Ты там топтаться будешь, а он из окна кнокать, мусоров искать, – повернулся он к Диме.
– У тебя их телефон или что есть? – спросил Большой.
– Не, – Дима замотал головой. – Они не давали, сказали, сами звонить будут.
– А тех, кому ты должен остался?
– Есть.
– Чё за люди?
– С того района, киоски у них.
– Их найти можешь случ-чего?
– Конечно.
– Уже лучше, – сказал я. – Значит, ты завтра на сервис приедешь с утра, понял? Там с пацанами в машину сядешь, они тебя подвезут, но высадят раньше, типа ты сам пришел. Шагай к остановке и жди там. Сам я раньше подъеду, так что не ссы, я уже там буду.
– А с этими чё делать? – спросил Труба. – На Помойку, и все?
– Я думаю, что они не придут сразу, – ответил я. – Это типа проверочка у них. Перезвонят потом, скажут самому ехать куда-нибудь в промзону. И вот тут ты нам трубу передашь, понял? – Это я уже к Диме обратился. – Там им стрелку забьем, все равно им деваться некуда будет.

Дальше по деталям немного прошлись, и на этом вечер закончился. Пришлось еще на сервис возвращаться, моя машина там осталась, и Маркел меня подвез. Дома я появился около одиннадцати и даже раздеться не успел, как в дверь позвонили.

Черт, забыл совсем. Только она позвонить должна была, а она взяла да и приперлась. И что теперь делать?

Спустился на первый, открыл.

– Договорились же, что позвонишь, – не стал я изображать радость.

– Вов, я тебе мешаю или чё? – Жанна возмутилась, но при этом протолкнулась мимо меня в дверь, задев бюстом. – Чё у тебя за проблемы?

– Проблема, что у меня дел завтра полно, я выспаться хотел, а отлежаться мне хрен кто дал. И ты тут еще.

– Да, блин, я – главная проблема в жизни! – Она направилась в квартиру. – Не отдохнуть ему теперь, и головка бо-бо...

– Рот закрой, – прервал я ее намеренно грубо, потому что уже успел просчитать «базовую тактику» – постоянно в атаке и постоянная готовность к скандалу, так она моего прототипа и пыталась продавливать на каждом шагу.

– Чё ты так со мной? – интонация мгновенно сменилась на «сиротскую».

– А как с тобой еще? – изобразил я гнев, хотя, если честно, Жанна у меня вообще никаких эмоций не вызывала, кроме разве что раздражение вечно неуместными появлениями. – Я же русским языком сказал, чтобы ты позвонила сначала. Говорил?

– Ну и что?

– А ты слышала?

– Ну слышала.

– И чего не позвонила?

– Потому что не думала, что ты как этот самый, мля! – Интонация снова стала возмущенной. – Я о тебе забочусь, а ты...

– Слушай, иди на хрен отсюда со своей заботой, – перешел в наступление я. – И без тебя напряги, и ты тут еще. Давай, езжай на хрен, не зли меня.

– Ну ты и козел, Вов! – Жанна аж задохнулась от злости. – Да чтоб я с тобой на одном гектаре...

– Во-от, и не надо. Все, сдрисни отсюда!

Для нее это было слишком, простой нахрап не сработал. Грохнула входная дверь в подъезд, потом дверь машины. Правда, сама машина пока никуда не уехала, потому что Жанна явно надеялась на то, что я передумаю и позову ее обратно, но я просто поднялся в квартиру и захлопнул дверь.

Все. Вроде бы с главной проблемой пока справился.

Ужинать не хотелось, в ресторане плотно поел, но чаю себе налил. Сел в кресло, вытянул ноги на низкий столик.

Попал. Ну я и попал, а? Что-то у меня что ни мир, то проблемы. И если к прошлым их разновидностям я как-то уже привык, по крайней мере это были мои личные проблемы, то теперь они у меня *чужие*. Мать иху. То есть я не мог оказаться в этом мире большим банкиром или философом в уютном свитере и с высоким унаследованным доходом, живущим в шале в горах, а мог оказаться только бандитом. Да еще и бандитом с дикими головняками.

Может, хрен с ней, с моралью, захватить какого-нибудь беспредельщика, завалить его в том подвале и активировать «дверь» с этой стороны? Нет, не годится, обратно это не приведет, а Настю надо ждать здесь. Если я прыгну еще в какой-то мир, то мы тогда потеряемся навсегда. Да и, боюсь, закрыться может вход, превратиться в выход черт знает куда. Надо ждать, надо просто ждать. И да, надо думать о том, чтобы перейти в обычный бизнес. Хотя, опять же, рано об этом думать, потому что грядут проблемы с людьми Вахи. Вот ему точно класть вприсядку на то, в легальном я уже бизнесе или нет, завязал или не завязал. Трое его людей на мне, и он об этом знает.

Что там на самом деле произошло? С чего Штопор меня убил? Что они вообще замыслили? Как он не сообразил, что чеченцы убьют и его? Неужели просто из-за денег и товара?

Что я знаю про Штопора? Что прототип знает?

Штопор появился в Коптеве недавно. Относительно. До этого вроде жил аж в Хабаровске, потом приехал к нам... и познакомился через контрабанду. Да Поляк же нас и познакомил, он со Штопором дела раньше имел какие-то. Вот к кому за подробностями надо, получается.

Да, сумма большая, но если Штопор рассчитывал ее забрать, то должен был понимать, что ее ему делить еще с тремя «чехами». И тогда она уже не такая уж огромная. Плюс три кило таблеток, оружие... ну все равно воображение не поражает. А мелочовщиком он все же не выглядел, насколько моей картотеке помнится. Нет, не выглядел, масштабно думал.

Что еще может быть? Что я пропускаю?

Запиликал телефон, приняв сообщение. Открыл. От Жанны: «Козел ты!» А потом услышал звук удаляющегося двигателя. Это она до сих пор в машине сидела у подъезда, получается. Надеюсь, что уехала навсегда. Хотя и сомневаюсь, не тот типаж, я с ней еще помучаюсь.

Так, ладно, что там на завтра на утро Свисток себе думает? Подъеду к ним до того, как выдвинусь на позицию. Предупредить надо балбесов малолетних.

С утра почувствовал, что как-то быстро освоился в непривычной квартире. Потому что для части моего обновленного сознания она была своей. Вроде все непривычное и одновременно все знаешь, что где лежит и что где искать. Долго стоял под душем, затем сварил кофе, уселся на кухне с планшетом, блуждая по интернету и пытаюсь выудить какие-нибудь понятные новости. Кстати, прототип мой был курящим, от него и блок сигарет остался, и пепельницы, которые я помыл, а потом упрятал подальше, чтобы не воняли. Да и в квартире застарелым табачным дымом перло, надеюсь, что выветрится. Придется всем объяснять, что бросил, после того как заметят. Пока не заметили.

Пришло ответное сообщение от Свистка: «Я понел!» Ну, понел так понел, это хорошо. Потом собрался по-быстрому, прихватил ствол и спустился в гараж.

Погода не исправилась, все тот же дождь и мерзкий ветер, лужи вообще расплылись. А вот в мойку все же надо будет заехать, несмотря на погоду, потому что машина угваздана грязью вообще сплошняком, скоро к ней просто подойти будет страшно.

Да, к машине уже привык, такой уж никакой больше не кажется. По крайней мере в ней тепло и сухо, не как в Углегорске, где в одну дождь потоками заливал, а в другой зимой коченел чуть не до смерти. Все познается в сравнении. А в этой и сиденья удобные, и мотор негромкий, и жрет она, к слову, совсем мало. Заехал на заправку, заполнил баллон, посмотрю, на сколько его теперь хватит.

Мозг к окружающей действительности начал адаптироваться. Как только принялся сравнивать не с прошлым миром, а с Отстойником, так все сразу на лад и пошло. Вполне жилое место, хоть и так себе. Видал и хуже. Правда, в Углегорске не было таких правил, как здесь, со всеми этими частными и федеральными городами. Я тут сразу с третьего сорта начал, в частный город меня просто не пустят, а вот там как раз жизнь хорошая. Кое-что удалось в интернете нарыть, хотя есть такое ощущение, что для частных и федеральных даже интернет разный, каждому о своем. Но то, что видел... хорошие дома, красивые машины, отличные дороги. Преступности там вообще нет, насколько я знаю. Нет, не то чтобы я туда так рвусь, но... мне как-то не нравится, что куда-то мне просто не положено, рылом не вышел. Понимаю, что частная собственность, но все равно что-то не то. Тут не в собственности дело, а в том, что там именно метрополия, а тут именно колония.

Городская верхушка вся повально в Энергетике живет, это ведь тоже частный городок «РосЭнергоатома», прямо над Волгой. Мэр правит нами, но нам туда нельзя, он в город каждый день как в командировку. Как-то сама идея о том, что тебя заселили в гетто, напрягает малость. Или не малость.

Так, вот и Гадюжник, ствол под куртку. Тут, как я понимаю, ничего не меняется. Те же, там же. Уже меньше вертя головой по сторонам, проскочил «торговую» часть Осенней,

потом, аккуратно объезжая залитые водой ямы, доехал до нужного мне дома. Извлек планшет из сумки, лежащей на соседнем сиденье, набрал послание:

«Я здесь».

Ответ не пришел, вместо ответа оба моих новых приятеля вышли из соседнего подъезда, все так же с планшетами в руках. Я помахал им рукой, затем выбрался из машины, зашел под козырек подъезда.

– Здорова, бойцы.

– Здоров, – ответили они хором, после чего Свисток спросил: – Какие дела?

– Тут люди шариться начнут, с Муслимки. Будут искать тех, кто все видел. Ну и кто все, что на трупах было, обшмонал.

– Да там и не было ничего, – удивился такому заявлению Свисток.

– Тачила – это типа ничего? – уточнил я на всякий случай.

– Да ладно... тачилу не мы.

– Вы только стукнули кому надо, так? – засмеялся я. – Ладно, не суть. Суть в том, что люди с Муслимки, «чехи», понятно? Искать будут всерьез, то есть жалеть не будут никого. У них большие бабки пропали.

– Бабок не было почти. – Свисток сразу замотал головой. – Чутка только, на кармане.

– Они не в курсе. Дело темное, бабки, похоже, сами убитые скрысили, но бабки реально большие, за такие и вас порежут на ремни, и кого угодно.

– Не ты взял? – по-простому поинтересовался Свисток.

– Не я. Нашел бы – взял, но не я. Короче, к чему я: на стреме быть вам все время надо, понятно? Как увидел, что здесь шарится кто-то, сразу прячься, в разборки не лезь. Кто тут, кроме вас, бывает, кого «чехи» прихватить могут?

– Ну... Крюка с пацанами, но его как прихватишь, можно и без рук остаться, – рассудительно сказал Свисток.

– Ты на Крюку работаешь?

– Ну, – ответил он явно без уверенности в том, что об этом стоило говорить.

– Не сцы, все нормально, – ободрил я его. – Ты его с пацанами тоже предупреди, что тут «чехи» беспределить могут, понял? Он ведь тачилу увел, так?

– Не видел, не знаю, – пошел в отказ Свисток.

Тут его планшет блыкнул сообщением. Свисток глянул в него, пошевелил губами, читая сообщение, потом спросил:

– Можешь обождать зачуток? Крюка с тобой потереть хочет о чем-то.

– Крюка? – чуть удивился я. – Ну давай, подожду.

Если Крюка хозяин здешних мест, то почему бы не пообщаться? У меня тут интересы и вон два кореша каких завелись, надо развивать отношения.

Примерно через две минуты я услышал двигатель, и из-за поворота, аккуратно переезжая лужи, показалась серого цвета «буханка», та самая, что на старый «Форд» похожа. Не та, что я в первый день видел, но такая же, поновей только. Машина показалась из-за угла, подъехала ближе, остановилась. Двери распахнулись, из нее выбрались трое, из кабины два совсем молодых парня, а из салона девчонка, с виду так вовсе лет шестнадцать.

Парни, впрочем, тоже старыми не выглядели. Одному чуть за двадцать, второй постарше, но еще тридцати нет точно. Все вооружены, даже девчонка, хоть оружие на виду и не держат.

– Привет. – Парень постарше протянул мне руку. – Константин, но вообще Крюка.

Высокий, худой, прическа чудная, волосы с боков головы сбриты, а сверху, наоборот, длинные и сзади собраны в хвост. Одет в кожаную косуху, камуфляжные военные штаны и военные же ботинки. Второй парень пониже, но тоже худой, стрижен почти наголо и на голове кепка-бейсболка красная. Девчонка... хорошенькая, если присмотреться, чуть старше, чем сначала показалась. Кругленькое такое скуластое личико, большие глаза, чудной макияж.

Полосатый свитер под кожаным жилетом, джинсы в разноцветных заплатках, ботинки вроде рабочих. Колоритная компания.

Подсказка: такие в городе есть, зовут их обычно «клуберами» и считают наркотами. Но эти на наркотов точно не похожи, вид как раз очень здоровый.

– Владимир. Вованом погнали. – Я пожал протянутую руку.

Крюка и двое остальных агрессивными не выглядели, но были насторожены. И салон «буханки» я не просматриваю, там кто-то еще для страховки может быть.

– С пацанами нашими подружились? – Он кивнул на Свистка.

– А чего не подружиться? Достойные люди, в понятиях, так что мы с полным взаимным уважением.

– Да, Свисток не фраер, пацан солидный. – Крюка засмеялся. – Вопрос у нас есть, поинтересоваться хотим.

– Вперед.

– Вам подвал тут зачем?

Говорит... обычно. Как нормальный человек. Не блатной, не барыга, не наркот. Ни жаргона, ни интонаций вроде тех, какие у совсем шарнирных торчков прорезаются.

– Нужен. Не важно зачем, вам это не помеха.

– Нам тут все, что хочешь, помешать может, у нас свои дела в этом месте.

– Чем?

– Не знаю. Я же не знаю, что вы там делать хотите, – ушел он от ответа.

– Ничего. Мне надо, чтобы дверь в него была все время закрыта.

– Зачем? – тут он явно удивился.

– Давайте считать причудой. – Я с удовольствием перешел на «вы». – Блажь у меня такая. За это Саня с Амиром будут получать по сотне в месяц.

– Ну... пусть. – Крюка развел руками. – Даже не знаю, как возражать.

– А вы не возражайте, вам это правда ничем не мешает. Ваш район?

– Ну да... пара кварталов. Кстати, если не секрет, мы так из перехватов и не поняли... вы из какой О-Пэ-Гэ, простите? Только не говорите, что это не так.

– Из Коптева я, – не стал я скрывать, скорее даже заинтересованный в продолжении разговора. Мне стало интересно, и, кроме того, мне гарантированно нужно сохранять дверь закрытой.

– Про интерес чеченцев к этому месту я уже понял, у Свистка планшет на подслушку включен. – Крюка усмехнулся. – А мы деловые контакты со своей стороны ищем.

– Чем занимаетесь?

– Убираем заводскую прошивку из планшетов, ставим левую. Так что при выходе в сеть не опознаетесь. Телефоны с блоком шифровки. Хакнуть можем почти все, только заказывайте.

Я задумчиво поднял глаза на довольно толстый кабель, висяком идущий от линии электропередач в дом. Крюка мой взгляд заметил, сказал:

– Электричество дешевое, им проще плюнуть на наши подключения и не посылать сюда монтеров. Мы много не забираем. И сети немного берем.

– Дроны ментовские вы сажали? – вспомнил я разговор Свистка и Амира.

– Давайте не буду это комментировать, это уже на пять лет тянет. – Крюка улыбнулся, показав ровные белые зубы.

– Со мной все равно откровенничаєте.

– Вы тут на криминальной стрельбе засветились, так что не думаю, что вы мент. И ментовскую волну мы слушаем постоянно. И к почте их подключились, просто не злоупотребляем. Кстати, тоже может быть полезным.

– Не стану спорить, – усмехнулся я. – Вы тут что, живете, что ли?

– Живем, почему бы и нет? Электричество у нас есть, а если есть электричество, то есть и все остальное. Там жить не хочется, а туда просто не пускают, так что мы лучше сами по себе.

– Выселять не приедут?

– Рейды бывали, пока прятались. Выселят – вернемся.

– Если не погорите на чем-нибудь при этом. Хотя бы на стволах. – Я показал пальцем на его пистолет, упрятанный под курткой.

– К нам трудно приехать неожиданно, мы их слушаем. И не только.

– Пусть так. Но вы бы все же осторожней.

Почему-то они мне понравились. Как-то сразу. Может быть, просто потому, что не укладывались в мою картину этого мира, а она у меня сложилась очень нехорошая. Эти были какими-то другими, не с этой картины.

– Я сбился. – Крюка снова усмехнулся. – У нас есть сейчас десяток мобил с кодировкой. Штук двадцать планшетов разных, без заводской прошивки, чистый аноним. Планшеты отдадим по сто пятьдесят, телефоны по триста, там работа сложнее.

– А трофейные дроны куда идут? – не удержавшись, спросил я.

– А куда угодно, просто дорого будет. – Он засмеялся. – Есть идеи по применению?

– Пока нет. Но могут быть.

– Будут – подъезжайте.

– Я по-любому подъеду, если не возражаете. – У меня в голове оформилась некая мысль. – Не знаю точно, когда пока, завтра или послезавтра. И да, дрон сколько будет стоить?

– Не знаю, прикинуть надо. – Он опять усмехнулся. – Как-то не думали продавать. Обсудим. А подъедете зачем?

– Куплю телефоны и планшеты. Не все пока, на пробу чуток.

– Свистку сообщение скиньте, чтобы мы ждали.

– Скину.

Хотел его спросить, как он к тому относится, что его малолетки со стволами ходят, но не стал. Получится, что пацанов вложу, а мы уже по понятиям общаемся.

– Хорошо, рад был познакомиться. – Я протянул ему руку. – Буду на связи.

– Удачи.

На этом и разошлись. Они уехали на своей «буханке» в одну сторону, а я на своей «Тайге» в другую.

Лишнее время оставалось, так что сначала я в какой-то кафешке выпил водянистого кофе с молоком и съел сочень такого вида, что сразу школьная столовая вспомнилась. Но немного времени убил, попутно шаря по интернету. Вай-фай тут был практически везде и опять же практически везде бесплатный. Тут вообще многое входит в некий диссонанс с внутренними стереотипами, потому что я привычно натягиваю на окружающую действительность шаблоны девяностых, а это не они, девяностые в этом мире давно миновали.

И вот эта последняя встреча... киберпанк какой-то.

Насколько я понял, принцип управления здесь простой: разделяй и властвуй. Разделяй «внутреннюю колонию» на своих богатых и бедных, пусть она варится в собственном соку, пусть в ней образуются свои истории успеха, и чтобы все при этом оставалось в границах федеральных территорий, не выплескивалось в частные или закрытые. Гетто, гетто на всю страну. И даже, да, с некими элементами социализма. Тут и пособия какие-то есть, и муниципальное жилье для тех, кто совсем никак, и с голоду ты не умрешь, это я уже понял. И ты можешь взлететь, стать первым парнем на деревне, переселиться в «элитный» дом на Московском или ближе к Энергетику, то есть даже удовлетворить честолюбие. Замкнутая система, за рамки которой вроде даже и выходить далеко не всем хочется, чтобы не покидать зону привычного и знакомого.

И теперь Крюка и его люди. Вот они к девяностым никаким боком. Не было такого. Преступность в нашей действительности была другой, такие, как Крюка, были «неформалами», но в сущности пустопорожними людьми, никому не мешающими и ничего не делающими. Эти, несмотря на всю контркультурность, делают. Ведут какую-то криминальную активность, контролируют какую-то территорию, зарабатывают деньги и даже готовы убивать за сохранение своего образа жизни. Иначе зачем стволы? Там не то место, чтобы для понтов их носить, пацанов наверняка давно проверили на решимость действовать. Иначе и быть не могло.

Их соседи, барыги-беспредельщики, наверняка у них средствами связи закупаются. Сделать так, чтобы у тебя покупали, а не грузили на халяву, в таком месте и масло в башке нужно, и яйца в штанах. Так что... так что как-то они за жизнь зацепились. Надо к ним присмотреться. Почему? Потому что они необычные, не очень вписывающиеся в этот мир. А я этому миру вообще пока чужой.

Найти место для парковки оказалось не слишком сложно. Встал на стоянке перед «Пять сольдо» – магазином из сети дешевых супермаркетов, вроде и потерялся среди машин, и при этом нужная троллейбусная остановка всего метрах в пятидесяти, и обзор во все стороны отличный. Положил на сиденье рядом сумку, выудил оттуда пластиковую полторашку «Дюшеса» – вполне себе лимонада родом из детства, отпил немного, смывая послевкусие довольно противного кофе.

Все, наблюдаем. Набрал Большого, сказал, что уже на месте. Те пока на сервисе, Дима уже приехал.

Никакого движения не было. Ни машин, подозрительно вставших, ни людей в окнах пятиэтажки рядом, но людей я мог и не заметить. Позже увидел «Тайгу» Большого, остановившуюся дальше по улице, с заднего сиденья которой выбрался Дима и торопливым шагом направился к остановке, где ему назначили встречу. «Тайга» свернула в переулок, встав почти у самого поворота, а «двадцать вторая» Трубы проехала дальше по улице, мимо меня, и протерлась возле табачного магазина. Угла с Серым сегодня не было, Большой их по другим делам усла.

К Диме никто не подходил. Пару раз у него звонил телефон, но явно не те, кто нужен, он быстро заканчивал разговор. Потом телефон зазвонил у меня.

– Ты прав был, так не вылезут, – сказал в трубку Большой. – Сидят где-то и кнокают. Ты где стоишь?

– На стоянке у «Пяти сольдо».

– Ща подъеду к тебе, будем их на стрелку вытягивать.

Я увидел, как его машина тронулась с места, тормознула у остановки, Дима влез на заднее сиденье. Пропустив поток машин, «Тайга» пересекла дорогу, нагло выехав на встречу, и свернула на стоянку, после чего подъехала ко мне вплотную. Все разом вылезли из машин. «Двадцать вторая» Трубы тоже развернулась через осевую и подъехала к нам.

Вокруг нашей компании как-то сразу образовался вакуум, люди старались обходить стороной. Лица, типажи, манера одеваться выдавали с головой, я по тем же девяностым подобное помню. Бандиты обозначали себя одеждой, машинами, тем, что всегда перемещались группами, а нормальные люди их сторонились.

– Давай, звони своим кредиторам, – сразу сказал Большой. – Пусть крышу на стрелку тянут. Мне потом трубу дашь.

Дима поискал номер в списке, ткнул большим пальцем в экран, потом подождал немного, я слышал гудки. Затем на той стороне кто-то откликнулся.

– Николай? – голос его звучал нервно. – Николай? Это Дмитрий. Что ваши ребята на встречу не приехали? А так, не приехали, я их тут жду. Где моя машина?

Большой жестом потребовал отдать телефон ему, быстро сгреб его, влез в разговор:

– Коля, как там тебя? Коля, да? Давай свою крышу на стрелку, бегом. Я этого знать не хочу, если они сейчас на эту трубу не наберут, я тебя самого нагружу так, что ты потом мне еще и с пенсии башлять будешь, понял? Анатолием меня зовут, пусть меня спросят. Все, бегом давай, не создавай проблем для всех. Нормально, – добавил он, отключившись и вернув телефон Диме. – Дошло, похоже.

Все закурили. Большой, забывший сигареты дома, спросил у меня:

– Сига есть?

– Не, бросаю.

– Давно? – удивился тот.

– Как по репе словил. Решил, что знак. Не заметил, что ли?

– Что не куришь? – Большой чуть подумал. – А точно, не курил ты. И как, не крючит?

– Да почти нет, нормально.

– Ну ты скажи, – удивился он, после чего повернулся к остальным. – Труба, дай сигу.

Тот протянул ему жесткую пачку «Явы», щелкнул зажигалкой. Пошел разговор ни о чем, Дима стоял чуть в сторонке, явно нервничая.

– Не очкуй. – Большой, закулив, подошел к нему. – Тачку вернем. Но сами бабки тебе отдать все равно придется, сколько должен. Это понимаешь?

– Бабки верну, я с дядей договорился, он занял.

– Уже с собой?

– Да. – Дима похлопал себя по карману.

– Тогда еще проще. Ждем звонка.

Позвонили нам минут через двадцать. Дима ответил и сразу передал телефон Большому. Тот поговорил хоть и вежливо, но жестко и коротко. Представился уже собой, бригада Большого в городе вполне себе в авторитете, да и «коптевские» если не первые по влиянию, то в первую тройку точно входят.

– Поехали, – сказал он, возвращая телефон. – У пельмешки на Первой Северной встречаемся. Погнали. Там в кучу не сбиваемся, волины под рукой у всех, понятно? Вован, ты на страховке, если мясня пойдет, то всем его слушаться. Если гниль почувешь или чё увидишь – сам начинай.

Знание: вот за это меня в бригаде особо и ценят, за умение действовать. Кроме меня, не служил никто, служившие здесь в среду федеральных городов почти никогда не возвращаются, это лифт на другой уровень, просто у меня так сложилось. Так что в боевых действиях криминального уровня я для всех царь, бог и воинский начальник. Именно поэтому никто не удивился, как я сумел завалить троих чеченцев, которые вроде начали стрелять первыми. А я и не умудрился, на самом деле это они меня завалили, как и должно было случиться. Но этого никто не знает. А если и узнает, то не поверит.

Все загрузились в машины и короткой колонной вырвались со стоянки на улицу, погнали в сторону окружной. Северные, с Первой по Пятую, чуть дальше по Восьмого Марта, налево, как раз в промзону. Шпана точно местная, раз там стрелку забила.

Ментовской «УАЗ» навстречу, просто патруль, так вокруг тихо. У нужного поворота через пять минут оказались, свернули все подряд, подрезав «Москвича» на встрече. Биби-кать тот не стал, просек, что к чему. Разбрызгивая лужи, проехали дальше. Слева бетонный забор, справа сначала тоже тянулся, но потом пошел сетчатый, а сразу за ним началась грязная, засыпанная укатанным гравием площадка, на которой стояло несколько грузовиков. Вон шиномонтаж для этих самых грузовиков, лавка с запчастями, вон пельменная какая-то. Влетели прямо на маленькую стояночку перед ней, встали, вышли разом, включая Диму. Я отошел в сторонку, заглянул за угол, потом другой, зашел в самую закусную – нет, там явно просто пара шоферюг и толстая буфетчица, больше никого.

Ага, вон с противоположной от Восьмого Марта стороны подъехала машина, «двадцать третья», левый бок ободран. Встала, двери распахнулись, из нее выбралось четверо парней. Все молодые и все довольно мелкие. За старшего круглолицый блондин с короткими волосами, лет двадцать пять максимум, с ним рядом чернявый, с огромной родинкой на щеке. Двоим остальным, одетым в спортивные костюмы с лампасами, лет по двадцать. Ствол у блондина спереди за поясом, он его типа незаметно рукой ощупал, когда шел. Болваны. Если ствол у них один на всех, то надо было вооружать кого-то, кто стоит в стороне. Большой этого блондина одной плюхой вырубит, вот и весь ствол.

Бодрятся, хотя явно напуганы. Я так понял, они решили, что Дима сам по себе, можно грузить без проблем, а тут облом. К разговору не прислушивался, нечего там слушать, и так все ясно. Почти сразу подъехал белый «Москвич», вполне новый с виду, из него выбралось еще два парня. Я чуть насторожился, но понял, что это как раз Димины кредиторы, крыша подтянула их сюда, чтобы вроде как разговор спрямить. Большой с ходу начал их грузить, крыша молчала, вид у кредиторов был несчастный. Да это и понятно, они теперь плотно на бабки попадают. Дима им две штуки вернет, конечно, но им теперь крыше «за выезд» башлять. А те еще и цену объявят такую, что мало точно не покажется, просто за свое унижение.

Оба водилы из пельмешки вышли бочком и сразу смылись, чтобы в зону разборки не угодить, тут и слепому видно, что происходит. Буфетчица в окно выглядывает, интересно ей. Ну фиг с ней, замеса тут уже точно никакого не ожидается, пацаны «с раёна» дали задний ход со всей возможной мощью. Ну и правильно, в общем-то, совсем тупые совсем мало живут.

Я пока так и стою. Мало того что у меня ствол в кобуре, то есть в ремне, так еще и «узи» в багажнике. Не дело так возить, но... профессиональный риск, пропади она пропадом такая профессия. С понедельника плотно займусь размышлениями на тему «как завязать». Может, какую неизлечимую болезнь выдумать, типа она мешает полноценно бандитствовать? Какой может быть повод вот так взять да и уйти в завяз? Это только если всю бригаду с пути истинного сбивать. То есть идти в какой-то легальный бизнес, доход с которого будет настолько привлекательным, что криминал начнет только мешать? Логично, но вот насколько вероятно? Я так понимаю и как прототип в форме внутреннего голоса подсказывает, в городе поднимаются в рамках определенных правил.

Но все равно думать надо. Мне даже этих дураков с района wannabe гангстеров убивать жалко, да и вероятность или сесть, или самому пулю схватить никуда не девается. Опять же *я уже схватил*. Уже похороны должны были состояться. И как бы не состоялись, «чехи»-то знают, кто их людей привалил. Самое веселое еще впереди на самом деле, пока только все начинается.

Ага, Дима с кредиторами отошел в сторону, высокие базарящие стороны курят и говорят друг с другом. Шпана чуть успокоилась, хоть вид и унылый, Большой изображает уважение, он мужик неглупый, а вот Капрал с Трубой лыбы давят откровенно издевательские.

Так, вон машина едет, универсал «двадцатка», это точно Димы, судя по его реакции. Подогнали, из нее какой-то совсем малолетка вылез, отдал ключи и документы Большому. Большой же забрал у Димы деньги, пересчитал у всех на глазах, отдал одному из кредиторов, тощему парню с длинным носом и ранней лысиной. Счастливым тот не выглядел. Крест на пузе, у него сейчас все деньги и отберут, однозначно.

Все, пошло прощание, все потянулись к машинам. Большой сказал Диме, пока с нами ехать, еще разговор есть. Теперь надо обсудить, как нагрузить тех, кто ему деньги не вернул. Если, конечно, это ему не вернули, а не сам он пропил или на дев распутных пустил. Но если не вернули, то надо вернуть, это уже доходная статья.

5

Дела, дела, дела. Деловой стал – спасу нет. Вызвонили уже должников Димы, потому что он клянется и божится, что с ним не рассчитались, поехали к ним. У тех крыша была, вполне реальная бригада с Вагонки, Большой даже старшего их знал. Встретились поэтому мирно в офисе должников, которые еще и покормили, заказав обед с доставкой. Сами должники, которых тоже было двое, оба молодые, модные, нервничали, пили водку рюмку за рюмкой, пока вызванивали кого-то следующего, кто должен уже им. Посиделки между тем затянулись, все пригrelись в офисе, который закрылся по техническим причинам, травил анекдоты и болтали ни о чем, тачки там, девки и все как положено.

Потом уже стало скучно, и Большой все же добазарился с Филей, бригадиром «вагонковских», о том, что мы забираем товара на четыре тысячи у должников, считая то, чем догрузили, а те дальше в свою очередь грузят уже их должников, по цепочке. Товаром была водка. Должники сказали, что товар не их, а на реализации, но им логично объяснили, что они товаром закроют этот долг, а потом возьмут на реализацию что-то еще и закроют уже тот. Филе и остальным было уже скучно, поэтому вопрос решился быстро.

Тянуть тоже не стали. Большой дозвонился Дадьяну, родственнику Погоса, который владеет несколькими магазинами по Коптеву, и тот пригнал грузовик за водкой. Когда убедились, что товар точно уйдет, все загрузились в машины и уехали.

По дороге в Коптево позвонил Поляку, рассказал в двух словах, чем все закончилось. Дима ему уже звонил сам, но Поляк предпочел выслушать мою версию.

– Вов, вот реально спасибо, камень с души, – поблагодарил он. – Давай бери свою и выйдем оттянемся, я угощаю. Ну и поговорим.

– Некого брать, послал ее, – сообщил я в ответ. – А поговорить можно, чего не поговорить?

– На вечер у тебя что?

– Поляк, у меня пока бинты на башке и сотрясение никуда не делось. Лежать буду вечером и в выходные, ты извини. На той неделе давай, я не против.

Выйти куда-то с Поляковым для прототипа было нормой, так что отказываться не стоило. Да и какой смысл? Что я еще буду делать? Дома спать? Пусть лучше жизнь вокруг мне покажет.

– Блин, Вов, извини, – спохватился тот. – Отдельно причитается, что ты по моим делам гонял.

– Ну какие счета? Нормально все. Димке этому в репу дай, чтобы дальше дела вел осторожней. Раздает, блин, товар без гарантий.

– Да разберусь с ним, однозначно.

Ладно, с племянником Поляка разобрались. Почти благородное дело. Почти. Так здесь дела ведутся. Когда-то и в моей Москве так велось, но потом всю эту вольницу зажали и указали ей берега, а самых непонятливых от непонятливости навсегда излечили. Почему тут не так?

Тут все просто: опять же колониальное устройство страны. Власти в федеральных городах невыгодно лишаться организованной преступности. Денег в их бюджеты из центра идет мало, просто воровать – на всех не хватит, и все же надо, чтобы хоть что-то доходило до потребителя. То есть остается рэкет, остается наркобизнес, остаются махинации с налогами и все такое. Заниматься этим непосредственно силами сотрудников все же не получится, есть и какой-то надзор, и внутренняя конкуренция. А все эти «коптевские», «вагонковские», «чистопрудненские», «силикатка», ну и все этнические – они как руки, которые вроде своей жизнью живут. И заносят, и делятся, и многого не просят в ответ, а каждый новый милицейский начальник переезжает в Энергетик максимум через год в хороший дом.

Центральную же власть, как я уже говорил, криминогенность ситуации интересует ровно настолько, насколько она не влияет на поток товаров и налогов. Пока власть и криминал видят некие границы, при пересечении которых где-то наверху, в каком-то кабинете, включится сигнал тревоги – они их не пересекают. Поэтому и не так страшно, если милиция прихватит меня с пистолетом в подлокотнике и «узи» в багажнике, потому что выпустят. Десять тысяч, как я уже говорил. Если, конечно, на этих стволах ничего не висит, иначе все сильно усложняется.

Милиция следит лишь за тем, чтобы О-Пэ-Гэ тоже границы не пересекали. Нашел себе Ваха выгодный бизнес в том, чтобы людей за выкуп похищать, – его прижали. Дошло. Его бойцы до сих пор строят железные дороги страны в передвижных лагерях и строить будут еще долго. Сутенеры как-то повадились девиц насильно набирать. Просто увозили в подвал, били и насиловали, пока не ломали, потом выставляли на улицу. Их тоже поправили, довольно жестоко – одного до смерти забили в ОББ, сообщив, что скончался от инфаркта, двое пошли в тюрьму с плохими статьями и в плохие тюрьмы. Теперь там работают только «волонтерши».

Расти выше определенного уровня тоже никто не даст. Если в девяностых группировки лезли в банки, в доли предприятий и вообще в крупный бизнес, то здесь о таком и думать нельзя. Крупный бизнес из частных городов управляется и управлялся. Потолок здесь коммерция «на раёне», долги местных коммерсов, игровые залы, кабаки, криминал, наркота, проституция. Пока не пытаешься дельфином прыгать над поверхностью – тебя не видят.

Такой вот симбиоз закона и понятий в городе. Но все же больше нацеленный на то, чтобы люди при власти могли обналичивать административный ресурс и при этом не вызывать народных восстаний.

Группировки тоже промеж собой враждуют. Основная граница протекает между славянскими и мусульманскими. Есть вполне обоснованное подозрение, что, когда одна сторона начинает брать верх, власть начинает помогать конкурентам. Вроде как баланс соблюдают. И по сути даже не очень это скрывают, что должно подводить умных преступников к простому выводу: не рвись получить все, все равно не позволят. Окучивай свою поляну, не ломай порядок, пусть все идет как идет, и будет так до века.

Да, и «воровской ход» тут никак, нет его, в общем. То, что страна распалась на города и регионы, вело к тому, что авторитет ворах бывших времен подкреплять было нечем, их довольно быстро выбили «спортсмены» и пиковые, а держать авторитет в зонах тоже не очень получалось.

Да, отвлекся. Думаю, Ваха все же что-то устроит, однозначно. И это «что-то», скорее всего, устроится с моей персоной. Найти меня не слишком просто, по местам прописки давно никто не живет, но можно. Можно выманить. Можно просто просчитать. Чеченцы здесь – это не чеченцы *там*, здесь у кавказцев с военной подготовкой проблема, они в армии не служат, но никакой подготовки не надо, если есть возможность подойти на пару шагов и выпустить магазин из «узи», который мы же им и продали.

Какая мотивация у Вахи? Ну, во-первых, деньги, но не думаю, что главная. Вернуть деньги было скорее символом его силы, что вот пришел он к «коптевским» и продал, нагнул их долгом и выплатой. Отказ – это уже авторитет сомнению подвергается.

Если Ваху, например, из схемы убрать – что получится? Будут мстить за него? Скорей всего. Если его исполнение на нас замкнется. А на кого оно еще может замкнуться? Хм... А с другими кавказскими группировками у него конфликты есть? Они ведь там вовсе не однородны, те же «даги» «чехов» недолюбливают и наоборот, а общая вера их объединяет скорей показушно. Кавказские народы всегда были практичны и всегда разделены, объединяет их разве что сопротивление внешней среды. Здесь не было радикального ислама, импортных проповедников и кавказских войн, так что внешнего объединяющего давления не случилось.

А прототип мой всех раскладов по Муслимке не знал. Это надо у кого-то уточнять. Кто может знать? Ну, какой-нибудь опер из ОББ, они все знают, но у меня таких приятелей нет. Кто еще?

Надо для начала с Большим поговорить на сей счет, у него контакты по ментам, может, он что-то придумает. Вахино внимание не только на мне замыкается, там уже конфликт не то что «межбригадный», а даже на уровне группировок вырисовывается. То есть можно и с Мартыном, и с Погосом говорить, у них ходов больше, но и много говорить не хочется. Информация имеет склонность к неконтролируемому распространению, независимо от того, насколько надежны слушатели. Там большее количество ушей имеет значение.

Хм... а Крюка сказал, что они к серваку милицейскому подключились. А что на том серваке, к слову? Нет, с этими ребятами надо общаться обязательно. И повод есть, вроде как договорились. Ладно, сегодня уже поздно, да и устал я таскаться туда-сюда. Ладно бы действительно чем полезным был занят, а то и вспоминать противно.

Заехать пожрать куда-нибудь или дома навернуть? Завтра никаких дел, кроме тех, что я себе назначу, можно выспаться. Нет, мне же бухать нельзя по легенде, увидит еще кто-то, если на районе пойду, а ехать еще куда-то уже неохота, я в Коптево заезжаю. Кстати, а чего это меня вдруг бухать потянуло? Второе *я* возникать начало? Вообще-то мой прототип не слишком мне нравится, если в его воспоминаниях копаться. Угрюмый, часто злоупотребляющий алкоголем, опять же вкус в любовницах так себе... и кстати, он еще и в сауну с девками любитель был сходить, невзирая на Жанну, хорошо хоть наркотой не баловался. Но у «коптевских» с наркотой жестко, за это можно и где-нибудь за городом в болоте проснуться с пулей в затылке. Справедливо считается, что человек на наркоте уже себе не принадлежит.

Ладно, домой. Вот дома винца открою испанского, чего-нибудь к нему нарежу, да и... что сделаю? Да хоть по интернету пошарю, изучая этот мир. Мир без провалившихся в него, то есть мир без «дверей». Без «дверей»? Ну да, можно и так считать, даже если они тут есть, то я понятия не имею, как их искать. Мир как мир, никаких аномалий, насколько я понимаю. И закинуло меня сюда лишь потому, что место освободилось, так?

А Настя в этом мире есть? Потому что если она есть, то моей Насте сюда не попасть.

И что мне в таком случае делать? Не убивать же местную ее версию, я не Хендерсон и не Фицпатрик, я этим не занимаюсь.

Тогда что? Пробовать прорваться назад?

Да невозможно назад, что я, вообще, гоню... Невозможно. Только куда-то еще.

Черт, что-то просто в пот холодный кинуло, как это до меня дошло. Я сейчас здесь, а Настя? Настя пока еще может только входить в «туннель», как я тогда, а может быть, уже в каком-то другом мире. Хотя... вот на уровне спинного мозга я все же как-то чувствую, что она должна оказаться здесь. Просто позже. Или я не чувствую, а просто сам себе это внушаю?

Нет, так не может быть. Просто потому, что не может. Я знаю, что мы должны быть вместе, иначе зачем все, что мы делали? Зачем погибли Солдат Джейн и Алекс, прорываясь с нами? Ради того, чтобы я стал рядовым бандитом в зачуханном городе? Да пошло оно тогда...

Стоп, не паниковать! Рассуждать трезво. «Дверь» есть, вход есть, значит, с ним еще что-то можно сделать. Что именно? Для начала подумать спокойно, с утра, на трезвую голову. Она у меня и сейчас не пьяная, но какая-то паническая, неправильная, мысли в такой запутаются и куда-нибудь не туда уйдут. И приведут к чему не нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.